

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

ДОРОГА В
ОДИН КОНЕЦ

Александр Сергеевич Конторович

Дорога в один конец

Серия «Реконструктор», книга 2

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22150438
Дорога в один конец:*

Аннотация

Мог ли предполагать старшина Красовский, что порученное бойцам его взвода задание будет провалено, ещё не начавшись? Что осведомленная обо всем немецкая контрразведка уже устроила грандиозную ловушку для разведроты? Но даже вырвавшись чудом из устроенной засады и вытащив на плечах раненого бойца, старшина попадает под подозрение особистов, которые ищут предателя в рядах разведчиков. Чтобы реабилитировать себя в глазах командования, старшина согласен повторить самоубийственную атаку на немецкий объект. Он и не подозревает, что давно уже списан – «такие люди долго не живут». Его возвращение назад не предусмотрено. Но итог фантастически нахальной операции получается и вовсе непредсказуемым...

Александр Конторович

Дорога в один конец

– Разрешите?

Заместитель начальника штаба двести восемьдесят шестой стрелковой дивизии, майор Горчаков оторвал голову от бумаг и посмотрел на дверь. Там нарисовался какой-то незнакомый капитан.

– Заходите... – буркнул майор. – Что у вас?

– Капитан Лигонин, разведотдел штаба фронта! – протянул свои документы вошедший.

Час от часу не легче! И что на этот раз будут требовать? Только подобных визитеров и не хватало...

Но, вслух, он этого, разумеется, не сказал. Вернул документы владельцу и демонстративно покосился на часы – мол, и без тебя, гость дорогой, забот по уши...

Словно не замечая этого, капитан спокойно уселся на стул и открыл полевую сумку.

– Дело в том, товарищ майор, что у командования возникли некоторые вопросы, которые, я надеюсь, мы с вами сможем успешно разрешить...

«Вот так обрадовал! Вопросы возникли у них, а решать их должен, отчего-то, я? Будто у нас и своих дел нет?»

– Слушаю вас, – кивнул Горчаков.

– Да, собственно говоря, товарищ майор... – положил на

стол перед хозяином кабинета карту гость, – наши вопросы связаны вот с этим объектом...

– Так это же у немцев в тылу? Я-то вам чем могу помочь?

– Но на участке вашей дивизии?

– Мы заняли эти позиции, сменив предшественников – нас перебросили сюда с другого участка. Так что через это место мы не проходили и сведений о нем не имеем.

– А ваши предшественники? – нахмурился капитан.

– Отведены в тыл на переформирование, стоявший здесь ранее полк понес тяжелейшие потери, там осталось всего пятнадцать процентов от штатной численности... Думаю, их надо искать где-то в Ленинграде... или ещё дальше.

Слова замначштаба весьма озадачили гостя. На какое-то время он даже замолчал, что-то прикидывая.

– Но... ведь ваши разведчики ходят же немцам в тыл? Это ведь не так далеко?

– Ходят. Но, как вы понимаете, об этом вам лучше их самих расспросить. Конкретного задания по разработке именно этого объекта я им не давал. Нам он не так уж и интересен...

– А зря... – покачал головою капитан. – Он, собственно говоря, не только вам интересен может быть... это, знаете ли...

– Товарищ капитан! – в голосе замначштаба прорезался металл. – У меня и своих проблем – хоть половником черпай! Немцы давят, а у меня каждый боец на счету! Снарядов

мало, орудий – так и вообще! На всю дивизию – шесть танков! А вы мне предлагаете за линией фронта чего-то там разведывать? Да нам важнее знать, где сейчас у фашистов пушки стоят, что завтра по нам стрелять станут! Откуда они атаку готовят, куда пулеметы перебросить...

Горчаков только рукой махнул и отвернулся к окну. Тоже, вишь, умники нашлись...

Наступило неловкое молчание. Прервал его Лигонин.

– Я, товарищ майор, разумеется, вас понимаю. Есть у нас некоторая недоработка, нам бы сразу ваших предшественников разыскать, да... Но, может быть, ваши разведчики что-нибудь смогут нам пояснить? Возможно, кто-нибудь что-то слышал или видел краем глаза?

– Попробуйте, – отходя от своей вспышки, кивнул майор. – Я распоряжусь, вам выделяют провожатого и проводят в расположение разведроты. Старший лейтенант Горячев ответит на ваши вопросы. У вас всё?

– Всё, товарищ майор, – приподнялся со стула визитер. – Разрешите быть свободным?

– Да, пожалуйста. До свидания, товарищ капитан.

Посыльный отыскал Лигонина уже через десять минут, тот только и успел, что папиросу выкурить. Немолодой уже боец неуклюже козырнул и сообщил, что назначен проводить товарища командира в расположение разведроты. Даже транспорт отыскался – если этим громким словом можно

назвать понурую лошаденку, запряженную в выдавшую виды телегу. Правда, как часто и бывает, внешность оказалась весьма обманчивой, и невзрачная коняга потянула свою ношу очень даже резво. Пусть и дорога оказалась не самой проежей, это, однако, не сильно отразилось на скорости перемещения. Так что уже через час с небольшим возница-проводжатый ткнул кнутом в направлении парочки деревенских изб, притулившихся на краю деревни.

– Вон он-та, товарищ командир, и ухорезы энти! Тамотка они и квартируют!

– А отчего ж вы их так? И слово-то какое нашли! – поинтересовался несколько озадаченный Лигонин.

– Дак ить! Тама их каких только нет! Отчаюги, да... у черта с огня горшок каши утащат! Неделю назад даже кухню фрицевскую как-то уволокли – да вместе с поваром! Правда, суп у германцев какой-то жиденский оказался... а так, ничего! Таперича кухня ента у нас обретається, но уже готовят у неё, как и полагается! Истинно, говорю, товарищ командир, ухорезы!

Покачав головою, капитан улыбнулся. Отчаюги? Ну, что ж...

Подойдя к указанным возницей домам, Лигонин, услышав разговор, чуть принял вправо. Около изгороди, облокотившись на неё левым боком, стоял спиною к нему какой-то солдат в плащ-палатке, небрежно наброшенной на плечи. И

не просто стоял, а загораживал дорогу весьма миловидной медсестре, которая по этой тропочке хотела пройти. Правда, судя по её словам, она не сильно расстроилась этому препятствию.

– Ой, вы и скажете... – кокетливо наклонила девушка голову. – Вот послушать вас всех, так прямо в округе и людей-то уже никаких вовсе не осталось! И глянуть-то не на кого...

– По-разному же глядеть можно! – возразил ей собеседник. – На кого-то – именно, что и глядеть, вот, как на вас, Ниночка. А на кого-то – так и поглядывать...

– Ох уж вы с вашими погляделками! – покачала головою медсестра. – Представляю себе! Уж вы и глянете!

– Так что ж такого-то в моих взглядах? – искренне изумился собеседник. – Вам ли обижаться?

– Товарищ боец! – прервал взаимную пикировку Лигонин.

Тот резко развернулся, отбрасывая в сторону полы плащ-палатки. И его правая рука инстинктивно дернулась влево – там, на ремне виднелась черная кобура. Судя по размерам, в ней явно было что-то длинноствольное. Но уже на полпути, видимо заметив погоны окликнувшего, боец вывернул руку и поднес её к пилотке.

– Слушаю вас, товарищ капитан!

«Пистолет явно трофейный, у нас такого оружия не припоминаю. Стало быть – из разведчиков будет, у них такие

вещи встречаются. Вот и хорошо...»

– Вы из хозяйства Горячева?

– Так точно, товарищ капитан.

– Вот и прекрасно. Не задерживайте медсестру, а лучше проводите меня к вашему командиру.

Судя по выражению лица задерживаемой, она-то как раз ничего против и не имела. Но возражать капитану не стала, только молча козырнула и, подхватив с земли корзину с мокрым бельем, заспешила куда-то по тропинке.

Проводив её взглядом, боец повернулся к Лигонину.

– Разрешите, товарищ капитан, на документы ваши посмотреть?

Фыркнув, представитель штаба расстегнул карман и раскрыл перед лицом чрезмерно бдительного бойца свое удостоверение личности. Странное дело, но капитану показалось, что по тексту тот скользнул взглядом как-то мельком, а вот какая-то другая деталь документа привлекла его внимание гораздо больше.

– Извините, товарищ капитан, время-то у нас военное...

– Прочли? Других вопросов нет?

– Никак нет!

– Вот и проводите меня к командиру!

– Прошу! – боец отступил в сторону, вытягивая руку в сторону домов. – Вон тот домик наш, я вас провожу.

А взгляд Лигонина скользнул чуть ниже. Черная кобура на ремне у бойца... и отстегнутая крышка. И когда он всё

это успел?

Командир разведроты оказался на месте, видимо, из штаба дивизии его уже успели предупредить о приезде представителя штаба фронта. Внимательно прочитав документы гостя, он бросил вопросительный взгляд на сопровождавшего капитана бойца. Тот молча кивнул, и старший лейтенант сделал приглашающий жест.

– Присаживайтесь, товарищ капитан! Чаю с дороги?

– Не откажусь.

– Максим! Организуй...

Откровенно говоря, мне этот капитан с самого начала не понравился. Не то, чтобы он был какой-то из себя неправильный или неприятный. И даже то, что он нашему с Ниной разговору помешал, меня не очень-то и огорчило. Один фиг, её тут долго не задержать было – всё-таки на службе человек. А главврач в медсанбате – баба строгая и спуску никому не дает. Так что и я сам не стал бы Ниночку подставлять. Минут пять ещё поговорили бы – и хорош!

Но, вот то, как этот гостенька на нас наехал... Нет, понятное дело, он тоже не просто так заявился, надо думать, дела какие-то у него тут есть, но говорить можно было бы и не таким тоном, всё-таки... Да, документы у него в порядке, даже и скрепочки в удостоверении личности, как и положено, потемневшие и окислившиеся. Не нержавейка, факт! На таком ляпе я уже одного субчика тут слепил. Он, типа, корреспон-

дент военный был. Ну да, я тоже на папу римского похож... когда сплю, во сне, то есть. А скрепки в его корреспондентском удостоверении – блестящие такие! Хотя и выдано оно уже год назад.

Кстати, когда я про этот факт упомянул в рапорте, оказалось, что данный прокол немцев тут уже известен. И немало фрицев на этом попало. Так что тут мне пришлось изъезживаться, объясняя, откуда это вдруг стал известен мне такой немаловажный факт. Вывернулся, сославшись на особистов, которые проводили мою проверку. Мол, вот они-то и разглядывали мои документы со всей тщательностью, кто-то тогда и обмолвился. Прокатило... А я ещё раз зарёкся лезть со своими инициативами. Думать надо раньше! Что, кому, а главное, когда, говорить! Не вовремя чего-нибудь бухнешь – здравствуй Особый отдел! Народ же там нынче нервный, да подозрительный. А я и так – персона та ещё... Да, проверку прошел. И даже медалью наградили – по итогам всех моих походов. За тот памятный бой, кроме наградного «парабеллума», дали старшину и поставили на взвод. Благо, что комвзвода под артобстрел угодил ещё раньше, и место это оставалось вакантным – так никого и не прислали пока. Но... и не таких персон винтили по малейшему подозрению. Не то у меня положение, чтобы неразумную инициативу проявлять. Да и то сказать, с памятью до сих пор хреновато, ничего особо ценного и полезного она мне пока поведать не может. Так что и козырей нет никаких, чтобы отбиться в случае по-

добного наезда.

Значит, что?

Значит, сиди, старшина Красовский, на своём месте. Вой, как тебе и положено, в меру своих старшинских разумений. Вот в этих пределах – хоть на голове стой! А дальше – не суйся!

Я и не суюсь.

Вот ребят своих, как старых, так и новоприбывших, гоняю нещадно – только зубы клацают. За что уже и заслужил репутацию малость охреневшего. Мол, сдвинулся мужик на войне, совсем озверел... берега не видит. Не могу сказать, что мне от этого сильно поплохело, даже наоборот – зауважали некоторые. Да и репутация эта, она тоже положительные стороны имеет. Во всяком разе, одного такого ухажера от Нички как ветром снесло, стоило ему узнать кому он тут дорожку перебежать пробует. Телефонист против разведчика не канает.

А вот ротный – правильный мужик, мои способности оценил. То, как я на людей поглядываю, как с бойцами работаю, да и вообще... После же случая с мнимым корреспондентом (вот не повезло ему прямо на мой взвод сдуру вылезти – да ещё и во время занятий) так и вовсе зауважал. Решил, что у меня глаз наметан на всяких там шпионов. Опять же, успешно пройденная проверка в особом отделе – это тут нынче вроде пресловутого «знака качества». Мол, проверенный кадр – двоих стоит. Разубеждать я его, естественно, не

пытаюсь (то, что вы ещё не сидите – это не ваша заслуга, а наш непростительный ляп) и, при случае, стараюсь всячески этот самый «знак качества» подтвердить. После зимы, когда нам нехило так врезали по мордасам, в дивизии начались всяческие перетряски, и ротного перевели на другое место службы, вроде бы, с повышением. Он при этом как-то ухитрился выцарапать с собою и нас, тех, кто ещё уцелел в боях. Один фиг, разведроту надо было формировать заново. Вот так я и попал в двести восемьдесят шестую дивизию. На мой взгляд – так почти однохренственно. Если не учитывать того, что прежняя моя часть сейчас воюет на Ораниенбаумском пятачке...

К нам даже от соседей народ пару раз заезжал – обмен опытом, так сказать. Правда, в основном это свелось к тому, что народ смотрел на наши (точнее, мои) дрыгоножества и рукомашества. Здесь так пока не умеют, вернее, умеют немногие. Оттого и ценят подобные художества. Вот и к нам во взвод прислали троих ребят, чтобы они наскоро кое-чему обучились бы. Ну, учитывая и два десятка моих гавриков, ещё три человека большой обузой не стали. Да и парни, надо сказать, тоже не зелень лопухая – народ опытный и повоевавший уже. С такими и работать приятно.

Уже под самую завязку случился у меня, так сказать, спарринг. Среди прибывших ребят оказался замкомвзвода разведки из соседней дивизии, чернявый жилистый кавказец

Руслан Гарипов. Он с самого начала поглядывал на меня несколько скептически. Хотя, надо отдать ему должное, со своими замечаниями не лез. Во всяком случае, прилюдно. А вот наедине с ним у нас споры были очень даже жаркие. И уже под самый конец наших совместных побегушек подловил меня Руслан, что называется, «на слабо». А именно: предложил вместе с ним ножами помахать. Надо думать, заметил, что я предпочитаю подобный вид рукопашной схватки, вот и решил, что отказаться от такого поединка я попросту не смогу. Да к тому же, как на грех, прикатил сюда и его командир. Мрачный такой капитан с внимательным взглядом. Так что ударить в грязь лицом перед начальством замкомвзводу было тоже совсем некстати. Ну, и я отказаться не мог: уже перед своим командиром неудобно было бы.

На ножах так на ножах. К этому времени мы уже достаточно давно пользовали мое изобретение. Состояло оно из деревянной основы, на которую, по моей просьбе, наши шофера насадили кусок литой резины. Нанести серьезные повреждения такой штуковиной было весьма нелегко. А вот ткнуть оппонента, имитируя серьезный удар – очень даже запросто. Тем паче, что эта самая резина, раздобытая где-то нашими машинами, оказалась весьма маркой и тренировочные «ножи» оставляли на форме и руках хорошо видимые черные полосы. Что уж это была за резина такая – бог весть, но пачкалась она... Ясен пень, что в долгу я не остался и кое-какие трофейные мелочи ребятам перепали.

Вот такими «ножами» и вооружились мы с Русланом. Отступив от нас шагов на десять, вокруг столпились любопытные. Уж и не знаю, каким макарон разнеслась эта новость, но даже из медсанбата прибежали любопытные медички. Добавочный стимул показать себя с лучшей стороны.

Перехватив поудобнее свое оружие, Гарипов мелким шагом начал описывать полудугу, заставляя меня развернуться к нему лицом. А заодно и подставить лицо яркому солнышку.

«А не лопух ты, дядя! Грамотно используешь сложившуюся обстановку. Сейчас солнце меня ослепит, и ты атакуешь».

Похоже, что он действительно собрался поступить именно таким образом. Уж и не знаю, считал ли он меня за совершенного лоха, но на такие детские хитрульки подловить было нереально совершенно.

Делаю шаг назад, имитируя растерянность. Типа оступился. И левой рукой прикрываю глаза. Солнце в них действительно уже светит, но пока что слегка сбоку, и видеть это мне никак не мешает. Расчет на то, что, увидев столь явственные признаки моего замешательства, оппонент не станет дожидаться более подходящего момента и атакует прямо сейчас.

Так оно и оказалось. Гарипов прыгает, покрыв одним махом более половины расстояния, которое нас разделяет.

За моей спиной ахает Антонюк. И впрямь атака выглядит весьма впечатляюще.

Выпад!

Отклоняю назад голову. И черная резина почти со свистом проносится мимо моего лица.

Не ожидал?

Похоже...

Удар цели не достиг, а Руслан повернулся ко мне боком. Позиция не очень удобная, чтобы ткнуть его «ножом», но хлопнуть по плечу я успеваю.

Ух, напрасно я это сделал!

Кавказец словно взорвался. Видать, подобный хлопок был воспринят им как что-то обидное. «Нож» так и заплясал вокруг него, перепрыгивая из одной руки в другую. И мне сразу стало кисло. Парень атаковал всерьез, и я пока не мог найти никакого изъяна в его обороне. Мои удары цели просто не достигали. Каждый раз оказывалось, что именно в этом самом месте его уже нет. Верткий мне попался противник, нечего сказать. И быстрый.

Уже пару раз удары Гарипова проносились в опасной близости около моих боков. Еще чуть-чуть, и он меня достанет-таки. Что же делать?

Память услужливо развернула передо мной очередное воспоминание...

– Не мешай ему в атаке. Захочет он тебя достать – флаг ему в руки. Вплотную подходить не будет, а вот руки вытянет. Тут ему по внутренней поверхности лапок загребущих

и работай. Посмотришь, как быстро у такого гаврика спесь пропадет, – Сергеич крутит в руке резиновый нож. И это оружие, казалось бы, прилипшее к его ладони, описывает в воздухе замысловатые фигуры.

Раз!

И по моему запястью проезжается жесткая резина. Не успеваю отдернуть руку, как второй удар достает меня уже в предплечье. И тоже с внутренней стороны.

– Вот видишь: рана вроде бы и небольшая, а кровянку в реальности ты ему бы еще как пустил. Тут же вены проходят совсем близко к коже. С такой кровопотерей более пары минут никакой бугай не продержится. А человек нормальной комплекции копыта отбросит еще раньше. Можно, конечно, и в бедренную артерию нацелиться, там итог совсем плачевный. Но туда еще попасть как-то надо. Некоторую часть тела любой мужик бережет как зеницу ока. Ибо кажется ему, что ткнуть ты его хочешь в самый для него важный орган. Нет, я не спорю, туда тоже, конечно, пырнуть можно. Но в бедро, поверь мне, намного надежнее.

Мой учитель резко присаживается на корточки, и его рука, внезапно удлинившаяся почти на полметра, черной молнией устремляется мне в район паха.

Я даже повернуться не успеваю. Где-то в глубине души понимаю, как ему это удалось. Он просто провернулся в полуприседе, резко качнувшись на широко расставленных ногах в мою сторону. Вот и сократил расстояние...

Ну, что ж, попробуем сейчас применить на практике давно вбитые в башку истины. Резко приседаю и наклоняюсь в сторону от своего противника.

Руслан на секунду даже притормозил. Движение оказалось для него совершенно непонятным. Прямой угрозы для него оно не таило, и именно поэтому мой оппонент выглядел столь озадаченным. Дураком он меня уже не считал, и сейчас пытался лихорадочно просчитать мое дальнейшее поведение. Пользуясь этим, я слегка отступаю вбок-вправо, увеличивая расстояние между нами. И поэтому следующий выпад Гарипова проваливается в пустоту.

За спиной разочарованно загудели зрители. Столь зрелищная схватка поехала по какому-то совершенно непонятному сценарию.

Снова выпад и очередной прыжок моего противника. Дрогнула земля, его сапог только чуть-чуть не задел мой.

Уклоняюсь в сторону и плавным движением убираю свою ногу назад.

Со стороны это смотрится явным отступлением. И мой противник на это купился. Да и непривычна ему моя поза, не воспринимает он её всерьез.

Рывок! Моя левая, безоружная рука, устремляется чуть ниже пояса Руслана. Он мгновенно на это реагирует, и его «нож» угрожающе проносится совсем рядом с моей кистью. Все правильно, не хочет мужик еще один удар пропустить,

да тем более в столь болезненное место, помнит, как я его по плечу хлопнул. А ведь хлопни я его в пах...

Но отбив мое нападение, Гарипов совершенно ничего не успевает сделать с другой рукой.

– Эк!

Отпрыгнув назад, он оглядывает себя. Вроде бы все в порядке.

– Стоп! – поднимает руку его командир. – Не двигаемся никто.

Он выходит на середину круга.

– А поворотись-ка, сынку!

Руслан поворачивается к капитану.

– Руку покажи!

Гарипов показывает руки командиру. На левом запястье у него черный след от резины. Ещё один на правой руке, но уже ближе к кисти. Капитан хмыкает.

– А ногу?

Такая же черная полоса обнаруживается у моего оппонента чуть выше колена.

– Вадим Петрович, – спрашивает мой ротный у подошедшего военврача, – сколь серьезными могут быть такие ранения?

Военврач поправляет очки.

– Ну... Если только одну руку иметь в виду, то боец более двух минут на ногах не устоит, ослабеет от потери крови. А уж этой рукой во всех ситуациях махать не сможет. Ну,

а две руки – будет очень фигово. Ежели мы еще и на ногу глянем, то и совсем грустно будет. Стоять на ней в данном случае невозможно в принципе, а учитывая то, что там еще и бедренная артерия наверняка повреждена, то даже срочная операция может уже и не помочь.

– Почему? – вспыхливо спрашивает Руслан. – Он же совсем немного меня задел!

– А потому, молодой человек, – назидательно говорит военврач, – что вы попросту истечете кровью. Настолько быстро, что, дай бог, вас и до медсанбата-то живым донести. Вы уж поверьте мне, я таких ран нагляделся.

Собственно поединок на этом и закончился. А спустя пару часов Гарипов постучался к нам в дверь. Мы как раз собирались ужинать, вот я и пригласил его к столу. Отказываться замкомвзвода не стал, уселся вместе с нами, а вот после ужина попросил меня на пару слов.

– Извиниться хочу.

– Да ладно тебе.

– Нет, – качает головой кавказец. – Это я неправ был, прости. Не глянулся ты мне, честно говорю. Ничего не хочу сказать за то, как ты ребят наших учил, здесь правильно все было. А вот на тебя когда посмотрел, колючий человек ты получаешься. Ежистый какой-то. Недобрым показался мне.

Только плечами осталось мне пожать. И что я мог ответить? Знаю, что характер далеко не сахарный, за спиной, го-

воят, каким только головорезом меня не кличут. И есть у людей для этого все основания. Как в бой иной раз ввязываюсь – как говорится, планка падает. Реально иногда не помню ничего. Потом уже ребята говорят... И порою такое!

– Ну... – развожу я руками, – ты может и не совсем неправ. Я, действительно, тот еще перец. В бою берега не вижу.

– Так то с немцами, – неожиданно спокойно говорит Руслан. – С ними и я далеко не воспитатель детского сада. А у тебя иногда такое и к своим проявляется. Это мне и не глянулось. Оттого и на бой тебя вызвал. Я ж с кинжалом с детства, тут мне равных нет! Во всяком случае, раньше не было. Вот и решил тебя немножко на место поставить. Не обижайся.

– Да я и не обижаюсь.

– Нет, – не соглашается со мною собеседник. – Ты не понимаешь! Вот сошлись мы с тобой, ведь свои же все, да? А ты со мною, словно с фашистом себя ведешь, вообще без... ну, как шофера говорят, без этих... без тормозов, во!

– Ну... – ещё не понимая, куда он клонит, соглашаюсь я.

– Вот! Так и надо, ведь в бою так же будет! Не станет немец никого жалеть!

Не могу с ним не согласиться, о чем и сообщаю. Руслан расплывается в улыбке, мол, он оказался-таки прав!

– Нельзя бойцам спуска давать! Даже на учениях – в бою-

то ещё хуже будет! А я вот не понял тебя сразу... разозлился. Победить хотел!

– Почти смог. Без вывертов, серьезно, уж поверь! Ты тоже тот ещё мастер, это сразу понятно.

– Э! – машет рукою темпераментный замкомвзвода. – Мастер буду, когда тебя поборю! Тогда – да!

Он уже совсем успокоился, его более ничего не гнетёт. Скинув с плеча вещмешок, распускает горловину и протягивает мне извлечённый оттуда сверток.

– Держи! Подарок это!

В развернутой тряпке обнаруживается кинжал. Характерный такой, типично кавказский, только не очень длинный, обычно они больше бывают.

– Деда это, – уже ниже тоном сообщает мне Гарипов. – В Дикой дивизии он воевал, при царе ещё! И до этого тоже... На фронт когда я уходил, отец дал. Как ты работаешь – не обычный нож иметь надо, не то! Такой вот кинжал – в самый раз! Пусть он тебе поможет, как и деду моему помог в своё время.

Фигасе мужик даёт! Для него такую штуку подарить... это тоже, знаете ли, жест! И что ответить? Не взять, когда он от всего сердца дарит – обида смертная!

– Обожди! – хлопаю его по плечу. – Минутку всего, лады?

Ну, положим, в минуту я не уложился.

– Вот! – протягиваю сверток Руслану. – Это от меня! Подарок! Негоже хорошего человека с пустыми руками прово-

жать, а?

Там офицерский «Вальтер ППК» и две запасные обоймы. Неплохая машинка, откровенно говоря, для себя берег.

– Не смотри, что небольшой, бой у него – что надо! И негромкий... шапкой накроешь, совсем тихо будет. Опять же – веса почти не имеет, да и спрятать его легко.

Словом, расстались мы с ним очень даже на дружеской ноте.

А подарок оказался знатным! Острый и почти точняк в мою руку лег. Представляю себе, что там гариповский дед им натворить успел. На рукоятке имелось одиннадцать точек – и если это то, что я думаю... дедок тоже, видать, тот ещё был головорез...

Организовав, как и просил ротный, чаю, я вышел из комнаты и присел на крыльце. Чем бы ни закончился разговор с этим приезжим штабным, а Горячев неминуемо дернет меня для постановки задачи. Так что уходить куда-нибудь не имело никакого смысла. Впрочем, командир окликнул меня гораздо раньше, чем я думал.

– Присаживайся, Максим, – кивнул он мне на табурет напротив себя. – Здесь у товарища капитана имеется ряд вопросов. И думаю я, что ты сможешь ему кое-что по этому поводу поведать.

Опустившись на табуретку, вопросительно гляжу на штабного.

– Вот в чем дело, товарищ старшина, – разворачивает он ко мне лежащую на столе карту, – вам вот в этом квадрате бывать приходилось когда-нибудь?

Смотрю на карту в то место, куда уткнулся капитанский карандаш. Не могу сказать, что местность эта мне хорошо знакома, но, надеюсь, некоторые нюансы я им прояснить смогу.

– Знакома, товарищ капитан. Не так чтобы очень, но как слепой кутенок тыкаться там не буду.

– Что находится конкретно вот в этом квадрате?

– Постройки какие-то. Забор, вышки сторожевые я видел.

– Железная дорога там есть?

– Ветка подходит. И не узкоколейка, а вполне себе нормальная колея.

– Охрана?

– А бес его знает, товарищ капитан. Издали только пулеметчиков на вышках видно. А что там внутри творится – так про то никому не известно. Задания на разработку этого объекта у нас не было, вот мы и не лезли туда. Просто так вышло, что когда мы от фрицев отрывались, мы неподалеку от этих сараев как раз дневку сделали. Аккурат под их пулеметами. Преследователи из леса выглянули, забор и вышки эти увидели, да и назад повернули. Решили, видать, что нет среди русских настолько сумасшедших, чтобы на охраняемый объект внаглую топать.

– То есть вы хотите сказать, – аж привстал со своего места

штабной, — что целый день провели прямо у забора?

— Ну, не целый день, конечно. И не прямо у забора. Мы от опушки леса всего метров на пятьдесят отошли. Да и залегли там в траве. Ну, может, не пятьдесят, может, побольше чуток. Но до забора нам еще метров двести как минимум оставалось.

— И что вы можете сказать про этот объект?

— Охрана там меняется раз в два часа. Во всяком случае, пулеметчики с вышек спускаются именно с таким интервалом. Патруль ходит вдоль забора по тропочке. Примерно один раз в час. Так особо больше ничего не могу рассказать. Что у них там за забором творится, с нашего места видно не было. Что-то там лязгает, гудит...

— А поезд на объект приходит?

— При нас два раза был паровоз, притаскивал несколько вагонов. И назад чего-то отвозил. Оживленным я бы такое движение не назвал.

— В какое время он приходил?

— Утром около восьми и ближе к вечеру, часов в девять.

— Зенитная артиллерия на объекте есть?

— Я не видел, товарищ капитан. Огня эти пушки при нас не вели.

— А еще что-нибудь?

— Да не было больше ничего, товарищ капитан. Из-за забора немцы не лезли, и со стороны леса к ним никто не появлялся.

– А есть откуда появиться?

– Так там дорога подходит. И неплохо наезженная, кстати.

– То есть, проникнуть на объект вы сможете?

– Вот уж чего бы я не загадывал, товарищ капитан, так это подобных вещей. Мы почти у леса лежали и близко к забору не совались. Прожекторы у пулеметчиков имеются. Да и забор, откровенно говоря, на совесть поставлен. Поверху колючка идет. А что там за забором – так это вообще никому не известно.

– Иными словами, проникновение на объект невозможно? – вопросительно смотрит на меня наш гость.

– Я так не говорил, товарищ капитан. Просто из тех сведений, которые мне известны, совершенно невозможно сделать конкретный вывод. Пробовать надо.

Капитан барабанит карандашом по столу и, поджав губы, смотрит на ротного. Тот только руками разводит.

– Если старшина Красовский говорит так, то значит, основания у него для этого имеются. Во всяком случае, товарищ капитан, никого более компетентного в этом вопросе лично я вам отыскать не смогу.

«Что это за сараи такие, что по их душу прикатил этот деятель? В них что – золотой запас Рейха хранится? Да не похоже, для таких вещей обычно поближе к столице места выбирают».

Впрочем, долго гадать не пришлось: штабной развеял наши сомнения.

– По нашим сведениям где-то в том районе расположен фронтовой артиллерийский склад.

«Здравствуйте, я ваша тетя! Фронтовой склад, отправляющий ежедневно два-три вагона боеприпасов? Это на какой такой войне наблюдается подобный расход снарядов? У них что, по одному оружию на километр фронта стоит? Не похоже вроде на немцев».

По-видимому, скепсис на моем лице нарисовался столь явственно, что капитан поспешил ответить на невысказанный вопрос.

– Это снаряды для дальнобойной артиллерии. Такие орудия стреляют не очень часто, зато снаряды у них занимают гораздо больше места, чем обычные. Ну, и помимо снарядов там хранят всякие запасные части для ремонта этих пушек. Хочу вам сказать, товарищи, что эти обстрелы наносят нам очень большой вред. Настолько большой, что командование поставило задачу любой ценой их прекратить. Беда в том, что мы до конца не уверены в их расположении. Позиции дальнобойной артиллерии периодически меняются, и все наши попытки отследить эти пушки до начала стрельбы пока не увенчались успехом. А после налета их быстро перемещают в другое место. Единственным возможным вариантом пока является уничтожение склада боеприпасов. Но и здесь не все просто: мы не можем достоверно указать его место расположения. Знаем, что где-то в этом районе, но где именно? «Ну, здесь, друг мой ситный, я тебе тоже ничем не помогу.

Немцы мне пока ежедневного отчета о своих действиях не присылают. Вполне может быть, что за забором действительно искомый артиллерийский склад. А очень может статься, что и какое-то иное тыловое заведение. Мало ли что можно возить на поезде и хранить в сараях!»

Высказываю свои сомнения вслух. Оба моих собеседника согласно кивают. Набираюсь смелости и высказываю предположение о том, что гораздо проще было бы расхреначить все эти сарайчики авиацией. Пара-тройка бомб крупного калибра существенно облегчит работу немецким ревизорам, буде таковые когда-нибудь заглянут в это место. Но на мое предложение штабной скептически поджимает губы.

– Если бы все было так просто, старшина! У нас нет такого количества авиации, чтобы разбомбить любой подозрительный сарай, пусть даже и кучу сараев. К сожалению, нам пока так и не удалось точно установить место нахождения складов. В том числе и с помощью разведки.

«Если я не ошибаюсь, то этот кирпич в наш огород. Мол, такие вы ребята хваткие, а тут лопухнулись. Вон, даже ротный нахмурился, просёк, видать...»

Но вслух Горячев ничего не говорит, только внимательно рассматривает карту. Ну и правильно, чего с этим штабным задираться? Он приехал и уедет, а нам тут своими делами заниматься нужно. Мало ли какие идеи возникают в головах у высокого начальства, что ж теперь, по каждому кивку туда-сюда бегать? На всякий чих не наздравствуешься!

– Ну... – говорит Горячев, – немного я видел артскладов, чтобы не были они укреплены по всем правилам. Обваловки нет, зенитного прикрытия... Совершенно не обязательно, чтобы эти самые сарайчики были именно теми складами, которые вам нужны.

И в словах командира есть немалый резон. Немцы – мужики педантичные и аккуратные, явных ляпов не допускают. Раз положено всё это соорудить – оно будет. И если этого нет – нет там и артсклада.

– Хорошо... – медленно говорит капитан, складывая карту. – Хоть что-то! Впрочем, как я полагаю, у вас вскорости будут причины для того, чтобы потщательнее пошарить в этих краях.

– Будут – пошарим, – соглашается с ним Горячев. – А пока такого приказа нет, мы своим непосредственным делом займемся.

Ага, ротный тоже чует какую-то каверзу. Он вояка грамотный и запах паленого ощущает задолго до разжигания огня.

– Будет и приказ, – встает наш гость со своего места. – Распорядитесь, чтобы меня отвезли в штадив.

Провожая взглядом удалявшуюся повозку, старший лейтенант, не поворачивая головы, спрашивает у меня: «Ну, а ты что по этому поводу думаешь?»

– Чует моё сердце, что попрут нас эти сараи раскапывать.

– Могут... Ты, вот что, посмотри, чего нам из снаряжения не хватает, авось, под такое дело и выбьем что-нибудь.

Чего у нас не хватает?

Да, мать его за ногу – всего! Если я тот список сейчас составлять стану... до утра, пожалуй, что и не усну.

Но долго рассиживаться не вышло, да и писанина в этот раз как-то отошла на второй план.

Бухнула о стену распахнутая дверь.

– В ружьё!

И понеслось!

Немцы, ударив на стыке полков, пробили брешь в нашей обороне и их танки при поддержке пехоты устремились к нам в тыл. В таком разе дергают всё, что только под руку подвернется. Подвернулись мы...

– Старшина! Твои позиции здесь! – махнул рукой Горячев, указывая на невысокий пригорочек. – Задача – окопаться и держать оборону. Основная цель – пехота, надо отсечь её от танков!

Мог бы и не повторять, такие вещи у всех прочно в голову вбиты. Но, я командира понимаю. Если уж и нас в цепь положили – совсем, стало быть, ситуация хреновая. А справа уже машут лопатами, зарываясь в землю, штабные деятели

– телефонисты и писари. Выходит это у них не очень, долж-
ных навыков нет.

– Пал Николаич, – поворачиваюсь я к Никонову. – А не
подпихнешь ты это воинство в нужном направлении? Пусть
вон там позицию оборудуют. Заодно и нам фланг прикроют.

Ефрейтор степенно разглаживает усы.

– И то дело, – важно кивает он. – В самый раз они там
будут. Организуем!

Всё, теперь я за это спокоен. Раз Николаич за дело взял-
ся – они у него там окоп для стрельбы с коня стоя отроют
мигом!

– Рогов!

– Я, командир!

– Пулемет в зубы – и к тому холмику! Чтоб две позиции
там были в кратчайший срок!

– Сделаем! – и пяток бойцов понеслись в нужном направ-
лении.

Распределив остальных, берусь за лопату и сам. Мне пер-
сональный окоп по должности не полагается. Нет, если я его
сам выкопаю... тогда, пожалуй, что и будет.

Прошел час.

Наши позиции понемногу приходили в какое-то осмыс-
ленное состояние. Во всяком случае, на хаотическую меша-
нину ямок они уже походили не так сильно. Наметились ли-
нии траншей, появились уже и пулеметные гнезда. Откуда-то
сзади вывернулась упряжка с сорокапяткой – совсем хоро-

шо! Мрачные артиллеристы, скинув гимнастерки, усердно заработали лопатами, оборудуя огневую. Оторвавшись от копания, посылаю им в помощь троих своих бойцов – пушка нам необходима, как воздух. Иных противотанковых средств у нас нет. Так что беречь сорокапятку нужно всеми силами.

В окоп спрыгивает ротный.

– Ну, как?

– Работаем... я штабных чуток подпихнул в нужную сторону.

– Видел! Правильно сделал! Так-то к ним только сейчас командира прислали – связист! Из него вояка – как с меня портной! Он тяжелее телефонной трубки ничего отродясь в руках не держал!

Не любит наш ротный командира связистов, тот пресекает его общение со своими подчиненными. Жестко и без сантиментов – блюдет порядок в своем... х-м-м... курятнике. У него ведь там целое отделение симпатичных девчушек... Впрочем, моё предпочтение отдано медикам.

Спрыгиваю в окоп и примеряюсь. Вроде бы, норма... От холодной земли идет пар, и я поспешно выбираюсь назад. Пробежавшись вдоль своих бойцов, озадачиваю двоих-троих соответствующими указаниями. А то, расслабились чрезвычайно! Себе все сделали, а соседу помочь?

Время, время!

Оно так и утекает сквозь пальцы! Не хватает его, ох, как не хватает!

Вообще, если вдумчиво посмотреть, непонятки получаются.

Мы, вроде бы как, в наступление собираемся. Немцы, по некоторым прикидкам – тоже. Во всяком разе не сидят на попе ровно, а постоянно нас дергают. Некоторым образом я даже понимаю того штабного капитана – дальнобойная артиллерия фрицев может нам создать неслабый такой геморрой. У нас тут не шибко глубокие построения, да и резервов тоже не так, чтобы очень до фига. Захреначат вот так с десяток снарядов по району сосредоточения – и хорош! Что может сотворить сорокакилограммовая чушка, свалившаяся сверху, я себе представлял очень даже хорошо...

Самое время сейчас работать разведке. Что у нас, что у немцев. Но вот так – проламывать линию фронта танками? Как я понял, даже и без основательной (какая-то всё же была) артподготовки? Да, даже и теми же самыми дальнобойками? Не похоже это на фрицев, совсем не похоже. Да и ладно бы, если наподдали целой дивизией, это хоть на что-то да походило. А здесь... Ни захватить что-нибудь, ни, тем более, удержать – сил явно для этого недостаточно. Просто рейд? Но, как ехидно мне подсказывает память (точнее, её остатки) здесь так вроде не воевали... это не степи какие-то там, и не пустыни.

Не понимаю я чего-то.

– Старшина! – бежит вдоль окопа посыльный. – Командир приказал – к бою!

Вот так...

Замаскировать окопы мы уже не успеваем, они так и выделяются свеженасыпанными брустверами. Мишень...

– Слушай мою команду! – Выскакиваю наверх. – Оружие к бою! Занять позиции! Всем сесть на дно окопов! Наблюдение ведут по два человека из отделения, они же и стреляют по моему приказу. Всем прочим – сидеть тихо! Ждать моей команды!

Забегали... защелкали затворы, и по позициям пронесся неясный шум. Затихло, только наблюдатели повысовывали головы над окопами.

Ждём...

Но, как оказалось, не слишком долго.

Вдали послышался какой-то лязг... что-то зарычало...

Вот и гости.

Угловатые коробки танков появились как-то сразу, я даже не понял, как это у них получилось.

Один, два, три... семь штук.

Для неполной роты – так и совсем за глаза. А ведь ещё и пехота там есть, просто не может её не быть.

За нашей спиной, через километр всего, раскинулась деревня. Там медики стоят, ещё какие-то части тыловые. И мост. Не Бог весть что, через небольшую речку. Но – мост. Учитывая топкие берега, это весьма важный объект. Рванут его или захватят... не, не удержат. Значит – рванут. И будем таскать грузы обходом, а это лишних два десятка верст.

Ну, может, и меньше, но всё равно неприятно. Да и медикам прилетит нехило.

Танки чуть сбавили скорость – заметили окопы? Скорее всего...

А вот и пехота ихняя – почти поравнявшись с железными коробками, притормозили угловатые «Ганوماги». Через борта посыпались фигурки солдат.

Гах!

Однако...

Наши пушкари оказались на высоте – и даже более!

Проломив тонкий борт, рванул внутри железной коробки фугасный снаряд. Бронетранспортер окутался дымом и вспыхнул. Представляю, что там сейчас внутри творится... с десяток фрицев точняк парни уконтрапупили.

С почином вас, мужики!

Гах!

Вразнобой ударили орудия танков. Били они, как этого и следовало ожидать, по нашей пушке. Но первый залп лег врассыпную, даже рядом ни один снаряд не рванул.

Гах!

Щелкает по башне трассер бронебойного снаряда – и свечкой отлетает в небеса. Не пробил... но легче с того танку не стало, вон, на месте завертелся. Чего это он?

Башню заклинило, теперь он пушку так наводит. Ну... тоже, в общем, хорошо.

Выбросив из выхлопных труб клубы дыма, рванули, заги-

бая влево, три танка. Ага, это они наших артиллеристов обходят.

Молчат окопы, нет с нашей стороны суматошной пальбы. Вот и не видят немцы для себя никакой опасности. Мало ли... могло ведь пехотное прикрытие и запоздать...

Кр-р-р...

Горохом рассыпались выстрелы со стороны связистов – не выдержал их командир. Особого эффекта достичь не удалось, но, немцы хотя бы чуток сбавили свой темп, пригнулись...

И почти тотчас же на позициях телефонистов разорвались снаряды танковых пушек – немецкая броня поддержала огнем свою пехоту.

Однако и нам нехорошо сейчас отсиживаться.

– Наблюдатели! Огонь по пехоте! Прочим – сидеть тихо!

Вскидываю свою СВТ и прикидываю глазом к оптике. Я, конечно, тот ещё снайпер... но, всё же, получше некоторых... м-м-м... стрелков. В перекрестье прицела попал худошавый немец с карабином. Не то... мне ноне другие надобны... ага! Приклад толкает меня в плечо, а коренастый фриц роняет свой пулемет. Есть почин!

Так, теперь другого ищем.

Офицер!

Вот ты где, голубчик!

Но немец попался дюже хитрый, перемещался он как-то рывками, скрываясь то за складками местности, то за фигу-

рами своих солдат. Или это я от чрезмерной подозрительности так думаю? Двоим фрицам, в результате моей охоты за вертялым типом, фатально не повезло. А вот офицера я так и не достал, обидно!

Сменив магазин, оглядываю поле.

Артиллеристы наши лупят прямо-таки с пулеметной скоростью, но вот результатов что-то маловато. Сбили гусанку ещё одному танку, он теперь стоит и стреляет с места. А около него копошатся две темные фигурки. Гусеницу натягивают? Это под огнём-то противника? Геройские парни... были. Уцелевший немец падает на брюхо и ужом ввинчивается под танк. Ну, даже и один подстреленный мною танкист – это тоже кое-что! В любом случае, танк станет реже стрелять, он ведь и неподвижный – всё равно опасен. Пушку-то и пулеметы с него никто не снимал!

А связистам достается! Мама родная, как их там ещё просто земель не засыпало!

Но эффект от моих выдумок всё же есть – противник сосредоточил все свои усилия именно на позициях, откуда по ним ведут самый интенсивный огонь. В том, разумеется, смысле, что именно туда лупят сейчас все фашистские танки. С нашей стороны стрельба не столь частая, и именно сюда активно топает пехота. Да и танки, тоже ползут к нам. Ползут-то на наши окопы, а башни развернуты в сторону связистов и по направлению к пушке – как к наиболее важным целям.

– Федорчук! Твой выход!

Из окопа тотчас же показывается длинный ствол ПТР. Самая для него сейчас дистанция, это ж, всё-таки, не пушка... Уж как только я мысленно ни благодарил ротного за такой вот подарок – расчет ПТР! Сумел же он их где-то нарыть! Не ждал для себя, нам прислал!

А танковые башни повернуты к нам боком...

Бах!

Бах!

Есть!

Уж и не знаю, куда там вlepили бронебойщики, но танк полыхнул – да так красиво! Башню не сорвало, но вспышка вышла оч-ч-чень даже знатная!

Ещё выстрел – и рассыпалась, мелькнув звеньями в воздухе, гусеница соседней машины.

– Федорчук! Позицию меняй!

Вовремя – сразу пяток снарядов взвихрили землю около окопа.

Гах!

Запнулся и задымил ещё один железный ящик, из числа тех, что перли на артиллеристов. Достали они его, наконец.

А их пехота всё ближе, вон, даже оружие в их руках можно хорошо разглядеть. Пора?

Похоже...

– Общая команда – встать! Огонь по готовности!

А у нас тут два пулемета, между прочим... и около десят-

ка только автоматчиков.

Залп вышел не такой уж и слаженный, но на эффективности огня это отразилось незначительно. Попад под пулеметный огонь с короткой дистанции, немецкая пехота моментом залегла.

Да, можно подавить пулемет – пусть даже и на самой выгодной позиции. Прижать сосредоточенным огнем, сбить прицел, подползти и забросать гранатами.

Можно.

Когда он один.

А тут их два – разнесены по флангам, огонь идет косо-прицельный, с взаимным перекрытием секторов стрельбы – это тот ещё подарочек. И три десятка стволов, поддерживающих этих самых пулеметчиков. Хочешь – не хочешь, а и туда смотреть тоже нужно. Невнимательность в таком деле приводит к очень грустным последствиям.

Потеряв (только по самым предварительным прикидкам) около двух десятков человек, фашисты более не перли на рожон.

Заставить их окапываться, мы, разумеется, пока не смогли, но атаку всё же сбили, теперь они так резво уже не попрут.

Как удачно вышло и то, что один танк, из тех, что шли прямо на наши окопы, уже горит, а второй неподвижен! Нет у немцев тут брони, не за кем теперь прятаться!

Хрясь!

Копец артиллеристам...

Облако дыма и пыли встало прямо на их позициях. Попали-таки фрицевские танкисты там куда-то...

Хреново.

Жаль ребят, но они своё дело сделали честно. Помогли нам, чем смогли.

Задним умом понимаю, что смени они позицию после первых же выстрелов, может, и прожили бы дольше. А может быть, и не прожили. Дистанция тут не ахти какая, могли парни попросту не успеть орудие своё развернуть – поспели бы немцы раньше. Так-то их хотя бы артогонь сдерживал, маневрировать приходилось да прятаться. А не будь его? Уж куда как резвее бы поперли!

Два танка горят, два обездвижены, но ещё три – они вполне себе целы и могут натворить таких делов...

Прибавив газу, оба немца, из тех, что шли на наших пушек, скрываются за холмом. Следом рванулся и бронетранспортер с пехотой. С тыла зайдут?

Это они могут. И станет нам тут всем кисло.

Вскидываю винтовку – раз!

Допрыгался!

Это тот самый танкист, что под танк залез, достал-таки я его! А что ж ты думал, милок, в твою сторону никто уже более и не смотрит? Напрасно... я мужик злой и на память не жалуюсь.

А вот на наши окопы пополз последний танк, и был это

противник весьма опасный. На рожон не пер, двигался осторожно, и огонь, собака такая, вел с коротких остановок. И оттого – достаточно эффективный.

«Т-3» – тот ещё агрегат, неприятный...

Да и экипаж, судя по всему, там грамотный сидит.

Прикрываясь броней, за танком перебежали пехотинцы. Не могу сказать, что это у них получалось хорошо – троих я всё же завалил. Да и из окопов меня поддерживали, так что солдаты вынужденно попадали на землю и огрызнулись огнем с места.

Неэффективно, железная коробка была намного опаснее.

После очередного снаряда поперхнулся и смолк один из пулеметов. Хотелось бы верить, что ребята попросту меняют позицию. Правда, на продвижении немцев вперед это сказалось мало, всё же стрельба из окопов не утихала и без того.

А вот к позициям связистов фрицы подобрались достаточно близко, не ровен час...

– Агапов! – не оборачиваясь, кричу я в окоп.

– Тут я, товарищ старшина!

– Бери пятерых из первого отделения – и дуйте на помощь к телефонистам! Их там сейчас с фланга наморщить попробуют!

Блин, а где же те два танка, что к нам в тыл прорвались? Там ведь и пехота с ними имелась... совсем штуки невеселые получают. Эдак, они и к нам в спину выйдут!

Быстрый взгляд на поле боя – фигово...

Танк уже подошел совсем близко, но для броски гранаты всё ещё был пока недоступен. Нет, если вылезти из окопа... да на ноги встать... только ведь, не дадут.

Перезаряжаю винтовку.

Наши окопы вытянулись вдоль холма ломаной линией. Связисты находились на правом фланге – и туда сейчас был направлен основной удар атакующих фрицев. Танкисты удачно заставили замолчать пулемет у подножья холма, а второй и сам стрелять отчего-то перестал. Так что почти ничего (кроме частой стрельбы моего взвода) не мешало немцам двинуть прямо на позиции телефонистов, двигаясь вдоль линии окопов и сбивая по пути нашу оборону.

Но где же пулеметы?!

Бегом несусь по окопу, не обращая внимания на посвистывающие в воздухе пули. Поворот, ещё один...

На земле, снятый с бруствера, стоит «максим», около которого сейчас копошатся два пулеметчика. Третий стоит, прижавшись к стене окопа, и смотрит в поле, изредка постреливая в сторону немцев.

– Чё, за дела, славяне?!

– Кожух пробило, и вода вытекла вся, – отвечает второй номер, грузный и немногословный рядовой Истомин. – Вот пулемет и заело...

– Оф-ф-фигеть! Надолго эта катавасия?

– Пара минут, старшина! – уверяет меня первый номер. Ефрейтор Левада с этим агрегатом знаком досконально. И

раз говорит – две минуты, то раньше этого срока его лучше не трогать.

Ешь меня нечистый, но ведь у станкача 17 разных задержек при стрельбе!

Меня тоже начинает колотить мандраж.

– Леселидзе!

– Тут я, товарищ старшина! – выскакивает сзади мой последний связной.

– Гранаты прихвати и дуй вон туда! – указываю ему рукой. – За тылом присмотри, мало ли... Эти гаврики, что мимо нас прорвались, могут ведь и по затылку насовать!

– Есть! – и грузина как ветром сдуло.

А немецкая пехота, огрызаясь огнем по нашим позициям, уже разворачивается для завершающего удара по связистам. Сейчас они сомнут их – и обойдут нас уже и с той стороны. Клещи...

Сую в рот свисток, и над полем боя проносится резкий звук.

По этой команде весь огонь сосредотачивается на передовых фрицах – и тем сразу поплохело очень ощутимо.

Солдаты в мундирах мышиного цвета залегают.

Снова свисток – огнем накрывают и тех, кто теперь лупит в нашу сторону. Тут уже не так эффективно получается но, всё же...

– Готово! – выволакивают на позицию пулемет. – Старшина! Воды!

Отдаю им свою флягу и несусь по окопу. Где-то здесь я видел... ага! Зеленый термос стоял на том же самом месте, куда его и поставили в начале боя. Хватаю неудобную железку и в темпе поспешаю к пулеметчикам. А там уже ударили первые очереди.

Вот и окопчик, сваливаюсь вниз и осматриваюсь.

У пулемета открыта горловина и из неё уже валит пар – мало воды. Поднимаю с земли свою пустую флягу, распахи- ваю крышку термоса и сую флягу туда. Блин, как же медленно вода наливается!

Есть первая!

Подскакиваю к пулемету и, высунув руку за щит, стараюсь не пролить ни капли мимо. Выходит не очень, но всё-таки восемьсот грамм воды уже булькают в кожухе.

– Мало!

А то я не в курсе...

Вторая фляга... третья...

Топот ног – в окоп вскакивает кто-то из бойцов. Сую ему флягу в руку.

– Шуруй!

А сам бросаюсь к брустверу – и чуть в сторону от пуле- мета.

В прицеле появляется тот самый, хитро выделанный, офи- цер. С этой позиции огня никто не ведет, вот он не особо и шифруется.

Ну да, не вели отсюда огня, так уж вышло... некому про-

сто.

Р-раз!

У немца подламываются ноги, и он кулем оседает на землю! Достал я его-таки...

Хрясь!

Вот же глазастые у фрицев артиллеристы! Хорошо, что хоть калибр не очень большой, было бы у немца миллиметров восемьдесят, я бы уже совсем другие песни пел. Надо позицию менять, и поскорее! Это тот самый неподвижный танк, точнее, какой-то один из них. Стоит, падла, на месте и долбит по нашим окопам.

С нового места беглым огнем обстреливаю солдат, бегущих рядом с танком – они ему дорогу расчищают. И удачно, надо отметить, двое бойцов с гранатами до него так и не добрались. А после моего «горячего привет» немцы разом поубавили прыти и попятились. Кого-то я там даже зацепил.

Откуда-то из-под земли вылетает бутылка и разбивается рядом с гусеницей танка – немец резко доворачивает в сторону.

Бах!

Высверк на броне – ПТР не пробил.

Бах!

И снова – те же пляски.

Не могут наши бронебойщики его пока подбить.

Но эффект есть и от этого, танкисты не хотят подставлять борта под пули, и железная коробка разворачивается к про-

тивнику лбом.

И ломает общее направление атаки, теперь острие удара нацелено уже не на связистов.

Так, бой уже переходит в свалку, нормально управлять не могу. Свистка не слышат, а связные мои все в разгоне.

Что-то надо срочно устроить немцу неприятное... что?

И бойцов свободных никого рядом нет, все делом заняты. Некого мне сейчас озадачить. Ну что ж... будем работать со-ло, как это у циркачей говорят.

Бегом по окопам, сваливаюсь к пулеметчикам. Боец, что наливал воду, куда-то уже исчез.

– Левада!

– Здесь я... – не отрываясь от пулемета, отвечает ефрейтор.

– Я на фланг! Попробую что-то с этой коробкой сделать, пока он нам тут все не попередавил!

Не отвечая, пулеметчик дает короткую очередь – в поле тотчас же залегает очередная группа солдат. Не по нраву пришлось? То-то же...

– Будь спок, старшина! Продержимся! Истомин, валим на запасную!

Да, у ребят и без меня головной боли хватает. Из ниши прихватываю парочку ручных гранат.

Бегом!

Резко ухожу вбок – туда, где пересекают траву следы от прорвавшихся танков. Только парочка запоздавших пуль пе-

чально пропела где-то в стороне, не до убегающего бойца сейчас фрицам – поважнее цели имеются.

Бу-бух!

Рванули воздух гранатные разрывы. Совсем, стало быть, близко немец подошел, раз гранаты в ход пошли.

Вот и колея, которую оставили танковые гусеницы. Сво-
рачиваю направо и бегу вдоль неё.

Бой грохочет где-то сбоку. Звонко бьют танковые пушки, рассыпается в воздухе ружейно-пулеметная трескотня. Но здесь – здесь пока тихо, нет никого. Весь бой, собственно говоря, идет на относительно небольшом участке местности. Но мы сидим на господствующей высотке, и оставлять нас в тылу – глупость несусветная. Стрелять-то можно и с большой дистанции...

Огибаю холмик – здрасьте!

На траве лежит одинокий немец, а около него примостился ещё один. Сумка с красным крестом – санитар. Но, тоже с оружием – винтовка лежит рядом. Услышав звук моих шагов, он поднимает голову, и рука его тотчас же скользит к оружию. То есть, теперь ты уже солдат? И хочешь меня убить? Ну, извини, мужик...

Не сбавляя хода, выбрасываю вперед руки – и окованный приклад СВТ врежется фрицу в грудь!

Держи!

Четыре кило веса, да помноженные на силу удара и скорость моего бега...

С хрипом он хватается руками за горло. С бодуна-то, я ж туда не бил? Но, добавляю ему ещё и по плечу, со сломанной рукой он не шибко тут навоюет...

Фиг с ним, забыли уже. Других нет? Тот, что на траве валяется, немец же его перевязывал. Живой? Надо думать, что да. Его тоже звездануть прикладом?

По уму – так надо бы. Но, он и так неподвижен и никак не реагирует на происходящее.

Черт с ним – пусть живет! А вот винтовки обоих фрицев я зашвыриваю подальше в траву, авось, парни, не до поисков вам будет. Если вообще они хоть как-то смогут передвигаться.

Ходу!

И снова под сапогами шуршит трава, чуть скрывая звук моих шагов.

Горелым потянуло... откуда это?

Бронетранспортер.

Рассобаченная взрывом, угловатая машина чуть накренилась набок. А рядом, в самых разнообразных позах валяются несколько тел. На одном, кстати, белеет свежая повязка – давешний фриц расстарался?

Немного задержавшись, опустошаю гранатную сумку у одного из убитых. Тебе не нужно более, а вот мне – так в самый раз будет.

Блямс!

Аж со звоном каким-то.

Танковая пушка бьёт.

Резко сбавляю темп своего передвижения, прижимаюсь к земле и, осторожненько так, продвигаюсь вперед.

Опа!

Вот он, танк.

Стоит, чуть накрываясь на бок. Боковой лючок в башне распахнут и, как раз сейчас, из него вылетает стреляная гильза от снаряда. Дзынь! Не одна она уже на земле лежит...

Приподнимаюсь и оглядываюсь по сторонам.

Немец в черном комбинезоне скорчился около гусеницы – тот самый настырный ремонтник?

Похоже.

Рядом с танком больше никого нет. А зачем, собственно? Тут, по их понятиям, тыл – все боевые действия впереди происходят.

Ну, да, в обычной-то обстановке хрен бы он здесь один стоял. Обязательно кто-нибудь рядом да крутился, типа, охрана. А здесь – прорыв, четко обозначенной линии боевого соприкосновения нет в принципе.

Блямс!

Так, побоку все рассуждения – действовать нужно! Этот гад по нашей обороне долбит!

Немецкая «толкушка» прыгнула в руку, словно сама собой. Отвернуть колпачок, рывок, пару секунд выждать... пошла!

Граната влетает в открытый лючок на башне.

Кувырок назад, тут сейчас так жახнет!

Бух!

Взрыв ударил гулко, как из-под земли.

И все... боезапас не сдетонировал.

Надо же... а я уж губы-то раскатал... Впрочем, хрен бы с ним – главное, что танк стрелять перестал!

И он перестал. Эффект от этого дал себя знать очень даже быстро – оба наших пулемета ударили со всей возможной остервенелостью. Заметили, что артогонь по их позициям уже не ведут. Правда, оставался ещё один танк, самый опасный и неприятный, но он, чисто физически, не мог воевать со всеми сразу. Прижатая пулеметами к земле, пехота была ему слабой поддержкой, и опасность словить под гусеницу гранату или получить бутылкой с КС по моторному отсеку – стала очень даже зримой и ощутимой.

Попятился немец, немного всего, отодвигаясь от окопов, но уже и это одно тотчас же было замечено нашими бойцами – стрельба усилилась.

Бамс!

Бамс!

Это ещё что такое?

Кто-то, изо всех сил лупит чем-то тяжелым (кувалда?) по железу.

По железу... да по броне он лупит! И рядом совсем!

Мать моя, да тут же ещё один танк где-то есть, рядом совсем! У него башню заклинило, а потом он и вовсе встал.

Наши ли погибшие артиллеристы были тому причиной, или у него ещё что-то там сломалось, но, встала железная коробка. А башню ему ещё раньше снарядом испортило, вот он и не стреляет – нет возможности орудие навести.

Точнее, не стрелял, ибо немцы не просто так ему этот «клин» вышибают.

Стало быть, надо и этому фрицу визит вежливости нанести. Нам отремонтированный танк с озлобленным экипажем на позициях совсем без нужды. Впрочем, танк-то, может, и не помешал бы... только вот, без немцев, пожалуйста. Мы уж как-нибудь, отыщем, кому там сидеть...

Продвигаюсь вперед, ориентируясь на удары по металлу. Интересно, они взрыв слышали? Скорее всего... и что из того?

Устроят прочесывание?

Щас... устроил тут один такой... где народ-то найдут? Там экипажа всего три-четыре человека, да и не заточены они под пехотный бой, всё больше под броней сидят...

Однако же, из этого совсем не следует, что надо переть на звук, очертя голову. Чего-чего, а причесать из пулемета подозрительные кустики – ума большого не требуется. Особенно, если этот самый пулемет под рукой.

А на танке их аж, две штуки есть!

Поэтому, снова забираю в сторону, напрямки не бегу. Да и вообще не бегу, в таких делах лучше поосторожничать лишний раз.

Вот и башня покосившаяся из-за кустов выглянула. Отчего покосившаяся? Так танк боком на холмик въехал, пушка вообще куда-то в землю утавилась. Отлично, стало быть, спаренный пулемет не опасен, да и курсовой тоже – тот вообще в другую сторону смотрит. Ну, во всяком случае, должен.

Не вижу немцев, но по звукам судя, да и вообще по логике вещей, они где-то около танка копошатся. Есть там охранение или нет, проверять мне совсем неохота. Нервные тут все, стрелять будут на каждый шорох.

Но некоторые преимущества у меня есть – я немцев слышу, а они меня нет.

Вот и отправляется первая моя граната точнехонько на звук ударов. Вторую, уже немецкую, кидаю, с расчетом того, что упадет она по другую сторону танка, авось, и там кого-нибудь прихлопнет. Надо отметить, что на этой и оставшейся у меня немецких «толкушках» были пришпандорены осколочные рубашки от наших гранат. Так что разлет осколков там должен быть... весьма удовлетворительный.

Кстати, когда я в первый раз такой вот выверт у немцев увидел, то изрядно их смекалке подивился. У них-то гранаты больше фугасного действия (я «толкушки» М24 имею в виду), и вот как они из этого положения вышли! Мастера, нечего сказать!

Вот теперь ихние придумки против них самих и оборотились...

Глухо бумкают разрывы, с визгом пролетают над головою

осколки, и следом за этим на пригорочек вскакиваю и я. Винтовка наизготовку, могу стрелять!

Только вот не в кого.

Привалившись боком к борту танка, сидит на земле немец-танкист. Комбез у него весь изодран – осколки постарались? Второй уткнулся лицом в землю – и из-под головы у него растекается по истоптанной земле темно-багровая лужица.

Все, что ли?

Хренак!

И вылетает из моих рук верная «светка», бухается прикладом о землю. Не прицелом, хоть – уже хорошо!

Впрочем, мне тотчас же стало не до винтовки – затыльник приклада немецкого карабина просвистел в паре сантиметров мимо моего носа. И, если бы, не быстрая реакция вашего покорного слуги – фриц свою задачу мог считать исполненной. Но – не сложилось, цель оказалась проворной и из-под удара ушла.

Отпрыгиваю ещё на шаг.

Немец стоит напротив, чуть пригнулся, руки сжимают карабин.

Отчего же он не стреляет, скажите на милость.

На карабине оптический прицел – снайпер? Что, паря, весь боезапас расстрелял? А снайперский вариант «Кар-98» заряжается патронами по одному, обойма сверху не встаёт...

То-то он меня прикладом и звезданул...

Неудачно, хоть и обезоружил, однако ж, не до конца!

Видимо, узрев у меня на поясе пистолетную кобуру, противник быстро сложил два и два и просёк, что чрезмерное затягивание ситуации ему ничего хорошего не принесёт. И оттого атаковал меня сразу же, не давая возможности достать оружие.

Щас, родной, только тебя тут и ждали...

Повернувшись на каблуках, отпрыгиваю в сторону, и очередной выпад фрица, проваливается в пустоту. А парабеллум уже у меня в руках... лязгнули коленчатые рычаги затвора...

Та-тах!

Со стороны танка бьёт автомат. Весьма удачно, надо сказать. Ещё бы чуток – и располовинил меня этот стрелок, akurat, по самую пятую точку. Спасло то, что в этот самый момент, я снова отпрыгнул в сторону, уворачиваясь от атаки остервеневшего снайпера. Она оказалась снова безрезультатной (сколько ж можно на удачу полагаться? Голову тоже надо иногда включать!) – и последней. Сухо кашлянул мой пистолет, и немец споткнулся, роняя своё оружие.

Кувырок!

Замах – и «эфка» улетает в сторону второго стрелка.

Хрясь!

Ещё звучит в ушах грохот разрыва, а ноги уже несут меня в сторону танка – где-то там, судя по звуку, и залег этот деятель.

Не залег.

Засел.

На моих глазах из башенного люка высовывается сначала автоматный ствол, а уж потом – и руки его обладателя. Вот он куда, стало быть, нырнул! Впрочем, вполне возможно, что там изначально и сидел. Танкист, наверное.

Пуля высекает искру из башни – и клиент рыбкой проваливается вниз. Заскрежетали шестеренки приводного механизма, башня стала поворачиваться в мою сторону.

Ну, дядя, это уже вообще... ты меня, что, совсем за идиота принимаешь? Прямо, вот так я и раскорячусь на месте, выстрела ожидаючи...

Под сапогами прогудела броня, засунув пистолет за пояс, одним махом оказываюсь около открытого люка. А гранаты у меня ещё остались... вот и не буду жадничать!

Прыжок!

А ну, как сейчас детонирует?

Бумс!

И в этот раз – мимо кассы.

Впрочем, мне это даже к лучшему, отбежать достаточно далеко я так и не успел. Вот был бы номер, если бы меня этим самым взрывом бы и шандарахнуло!

Снова запрыгиваю на броню и, держа пистолет наготове, заглядываю в люк.

М-м-да... стрелять тут уже не в кого. Не повезло немцу.

Протискиваюсь внутрь и спихиваю изодранное осколками

тело вниз, на пол боевого отделения.

Быстро оглядываюсь, вроде бы взрыв ничего капитально не перекорежил. Понятное дело, что рация и подобные при-бамбасы вышли из строя однозначно, но, надеюсь, пулемет и пушка ещё в рабочем состоянии?

Провернув башню, приникаю к прицелу.

Люк, к слову, задраил, не хочу повторения чужими руками собственных выходов. Мало ли какой недобитый немец из кустов выползет? Да, хоть, тот же санитар... зря я его не добил, откровенно говоря. Это он когда с бинтом в руках – санитар, а с винтовкой или гранатой? Вполне себе обычный солдат.

Танк стоит косо, и в прицел я вижу только левый фланг наступающей немецкой цепи. Дальше пушка задирается в небо, и стрелять из неё бессмысленно. Центр и правый фланг для меня недостижимы.

Ладно, хоть какие-то плюсы есть.

А пушка тут малокалиберная, автоматическая, я (ещё у немцев будучи) такую видел. Не стрелял, но запомнил, как они там с ней управляют – наука нехитрая. Надеюсь, что зарядить смогу.

Чуть довернуть маховик... Блин, не этот!

Вот, теперь гораздо лучше.

Жаль, что мне не досталось гаубицы, это из неё одним рядом можно роту положить. Говорят, были такие случаи.

А здесь – 20-мм. И все пироги. Одно радует – стреляет

она часто и снарядов тут – не как в гаубице, не один.

Очередь!

Ударило по ушам, и в башне завоняло порохом.

Мимо...

Поправочка.

Ещё раз!

Опять туда же... у них, что прицел сбит?

«А кто в башню гранату подкинул?» – ехидно вопрошает
внутренний голос.

Перезарядка.

Снова поправка.

Ду-дух!

Уже интереснее, чуть довернем...

Ду-ду-дух!

Совсем другие пляски, всегда бы так!

Высаживаю в цепь остатки снарядов.

Перезарядка...

– Выпьешь, Максим? – опускается рядом ротный.

Молча киваю. Он сует мне полупустую флягу.

– Не увлекайся слишком, ещё кто-то из начальства прие-
хать может.

Делаю глоток и возвращаю старшему лейтенанту фляжку.
Да он, похоже, и сам к ней уже приложился...

Рота ударила немцам во фланг, и уцелевшие фрицы оття-
нулись куда-то в сторону. Укатил и «Т-3», его подбить так и

не удалось. Заговоренный он, что ли?

Впрочем, нам теперь было не до него.

Во взводе, только убитыми, я потерял шесть человек. Да пятерых ранило. И с кем теперь прикажете воевать?

Да, погибли трое пулеметчиков – из приданных сил. Накрыло снарядом бронебойщиков, их обоих, раненых и контуженных, спешно утащили куда-то в тыл. Про артиллеристов – вообще молчу, там не сразу даже и разобрались, кого и как хоронить.

А уж, что говорить про взвод связи... лучше помолчать. То-то на ротном прямо-таки лица нет. Я уж и не говорю о том, что и у него тоже какие-то потери есть.

Более того, прорвавшиеся немцы взорвали-таки мост! Надо полагать, он и являлся для них основной целью. Так что, наш локальный успех (успех ли?) на этом фоне выглядел бледно.

Немецкие коробки ещё и по селу вкатили пару десятков снарядов. Не Бог весть что, но там теперь тоже такое творится... Там же медсанбат!

Ну, да, стоят перед нами четыре танка. Два, кстати, относительно целые, им только ходовую починить. Ну и внутри кое-чего подремонтировать.

На поле, перед нашими окопами, подобрали около пятидесяти человек убитых фрицев, ещё несколько человек раненых отволокли куда-то в тыл. Ещё больше немцев смогло уйти. Наверняка, там тоже хватало тех, кого попятнали на-

ши пули. Но как их теперь сосчитать? Да и толку с этих подсчетов?

– Товарищ старший лейтенант! – подскакивает сбоку невысокий боец. – Всадники скачут!

Раз всадники – это начштаба. Старый кавалерист, он предпочитает этот способ передвижения любому другому.

Ротный, скрипнув зубами, встаёт и поправляет гимнастерку. Следом за ним привожу себя в порядок и я. Начальство... лучше выглядеть, как положено.

– Товарищ подполковник... – вскидывает ладонь к виску капитан, но тот только рукой машет.

– Потери?

– Убитых, считая усиление, четырнадцать человек. Девять человек ранено. Это – в моей роте. Одно орудие разбито, и один станковый пулемет уничтожен. Потери связистов подсчитывают, там вообще плохо. Их взводный убит...

– Так... – морщится подполковник. – Фигово! Противник?

– Свыше пятидесяти человек убитых, шестеро раненых взяты в плен и отправлены в тыл. Уничтожено два танка – один средний и один легкий. Два легких танка в повреждённом состоянии нами захвачены, один из них используется в обороне.

– Как?

– В смысле? – чуть теряется мой командир.

– Как используется?

– Старшина из его пушки стрелял по врагу.

– Попал? – поворачивается ко мне подполковник.

– Человек пять положил!

– А что мало так?

– Танк косо стоит, обстреливать я мог только небольшой участок, товарищ подполковник. Те, кто там оказался – там и остались... других не видел просто. А сдвинуть его никак – там гусеница сорвана.

– Понятно, – теряет интерес начштаба. – А что же вы мост защитить не смогли, товарищ старший лейтенант?

Горячев мрачнеет лицом.

– Мы на пригорке оборону держали, товарищ подполковник. За мостом, нас на эту позицию командир батальона определил, он тут всем командовал. Как раз, на тот случай, если бы танки прорвались через мост в деревню. Комбат сказал – пока твои там оборону держат, мы и пушками разживемся! А никакого другого противотанкового вооружения у нас не имелось... мы ж разведка, а не обычная пехотная рота, не положено нам. Танки подошли к берегу, открыли огонь по нашим позициям и прикрыли броней своих саперов. Кто ж знал, что они через мост идти не собирались? На дальней дистанции же, товарищ подполковник, мы им ничего сделать не могли...

– Пробовали, хоть?

– Удалось пару человек из винтовок подранить, но немцы их с собой, наверное, увезли... На месте боя никого не оста-

вили. Потом уже, как они от моста отошли, мы переправились – и сюда!

– А здесь кто хозяйничал?

– Вот, – кивает в мою сторону ротный. – Комвзвода Красовский!

– Старшина?

– В роте некомплект комсостава. А товарищ Красовский на фронте не первый день.

Начштаба окидывает меня внимательным взглядом, чуть задерживает его на кобуре.

– Комвзвода, говорите? Ну, что ж... хоть он со своей задачей справился, товарищ старший лейтенант!

Зря он так!

Ротный аж покачнулся, сжал губы.

– Жду ваш рапорт через два часа! – сказал, как отрезал, подполковник.

Выдержка из рапорта

...Таким образом, задача, поставленная перед кампфгруппой, была выполнена. Мост подорван. При этом один из устоев моста поврежден в значительной степени. На его восстановление противник вынужден будет затратить большое количество времени и ресурсов. Русские потеряли возможность оперативно снабжать свои части на данном

участке фронта и осуществлять маневр резервами.

Помимо этого в процессе выполнения поставленной задачи нами был захвачен в плен офицер разведотдела штаба фронта капитан Лигонин, направлявшийся от линии фронта в штаб двести шестьдесят восьмой стрелковой дивизии. При захвате офицер оказал яростное сопротивление и попытался уничтожить находившиеся при нем бумаги. Благодаря умелым действиям фельдфебеля Хайнца эти попытки были пресечены. К сожалению, капитан был ранен и, будучи доставленным в наш госпиталь, скончался на операционном столе. Тем не менее, захваченные у него документы, а также карта с условными пометками представляют несомненный оперативный интерес...

– Входите! – оторвав взгляд от лежащих на столе документов, произнес полковник Ляшке.

Стукнула входная дверь, и на пороге появился подтянутый офицер в звании майора.

– Разрешите, герр оберст?

– Присаживайтесь, майор, я давно вас уже жду.

– Тысяча извинений, герр оберст, но то, что по недоразумению именуется здесь дорогой, в нисколько степени не способствует быстрому передвижению. Я выехал немедленно, как только получил ваши указания.

– Ладно, Хайнеманн, об этом после. Смотрите, какие интересные сведения притащили нам наши brave танкисты, –

протянул ему полковник карту и блокнот. – Вы достаточно хорошо знаете русский язык, чтобы понять то, что здесь написано.

Майор принял из рук полковника бумаги и углубился в их просмотр. Спустя несколько минут он оторвался от блокнота и поднял вопросительный взгляд на сидевшего напротив хозяина кабинета.

– Позвольте полюбопытствовать, герр оберст, где же владец всего этого?

– Увы, мой дорогой друг, наши танкисты как всегда перестарались. Как вы думаете, долго ли проживет человек, если по его ногам проедутся танком?

– Сомневаюсь, что он вообще проживет хоть сколько-нибудь долго, чтобы иметь возможность ответить на какие-либо вопросы.

– Тем не менее, этот капитан ухитрился как-то дотянуть до нашего госпиталя, где благополучно и отдал Богу душу. Этот русский оказался очень живучим. Правда, допросить его так и не смогли. Никто из солдат, взявших русского в плен, не знал их языка в достаточной для этого мере. А кричать «руки вверх» неподвижному пленнику, согласитесь, как-то не очень эффективно в данной ситуации.

– Очень жаль, герр оберст, – поджал губы майор, – очень жаль... Я бы не отказался побеседовать с ним в более подходящей для этого обстановке.

– Что, в данных документах действительно есть что-то ин-

тересное?

– И даже более того, герр оберст! По-видимому, этот офицер абсолютно исключал для себя какую-либо возможность пленения, иначе бы он не был столь откровенен в своих записях. У нас появилась неплохая возможность подложить изрядную свинью противнику. Из карты и записей можно определить приоритетные для них направления действий. Правда, для того чтобы успокоить их излишнюю подозрительность, нашим парням придется изрядно попотеть. Но игра стоит свеч.

Передовые позиции немецких войск. Четыре часа спустя.

– Итак, обер-лейтенант, вы хорошо уяснили поставленную задачу? – Хайнеманн вопросительно посмотрел на командира разведгруппы.

– Так точно, герр майор! Доставить тело русского офицера вместе с его документами в указанную точку. При этом соблюдать максимальную скрытность и осторожность. Не вступать в боестолкновения и любой ценой избежать обнаружения группы русскими.

– Все так, обер-лейтенант, – кивнул майор, присаживаясь около носилок, на которых лежало тело русского капитана.

Он приподнял плащ-палатку и осмотрел тело. Нахмурившись, движением руки подозвал к себе стоявшего рядом солдата с повязкой санитаря.

– Снимите бинт и наложите повязку еще раз – наспех,

неаккуратно, прямо поверх одежды. Так, как накладывал бы ее человек, тяжело раненный.

– Яволь, герр майор! – вытянулся солдат.

– Не забудьте позаботиться о том, чтобы повязка была пропитана кровью.

– Яволь!

Выпрямившись, Хайнеманн достал из кармана носовой платок, вытер им руки и брезгливо отбросил в сторону.

– Вот так, мой милый Генрих! Вот так и проваливаются тщательно разработанные операции! Мы хотим убедить русских в том, что их капитан скончался от множественной кровопотери, как говорят в этом случае медики. Попросту – истек кровью от ран. И только потому не успел уничтожить находившиеся при нем документы. А повязка наложена по всем правилам – так, как это делают санитары у нас в госпиталях. Хвала Всевышнему, что наши хирурги не успели приступить к операции – мне пришлось бы изрядно поломать голову над тем, как объяснить русской контрразведке наличие операционных швов на теле покойного. Что с его оружием?

– Пистолет вычищен, боезапас пополнен.

– Ну, слава Богу, и на этом. Отсутствуй у капитана хоть один патрон – русские неминуемо задались бы вопросом: в кого он стрелял? И почему, раз противник находился в зоне поражения из пистолета, тело капитана при этом осталось не осмотренным?

Обер-лейтенант уважительно кивнул.

– Разумеется, герр майор, я исполнил все ваши указания с максимально возможной точностью. Опросив солдат, которые захватили капитана в плен, мы постарались восстановить содержимое карманов погибшего. Для этого пришлось конфисковать у них часы, которые они сняли с его тела, и бритвенные принадлежности.

– Вот-вот, мой друг, вы правильно меня поняли.

Майор, пождав губу, критически осмотрел готовых к выходу солдат. Успокоено кивнул.

– Генрих, вы же знаете, я никогда не ставлю легких задач, так?

– Совершенно верно, герр майор!

– Как правило, я не ограничиваю вашу самостоятельность при их выполнении. Но в данном конкретном случае, настоятельно вас прошу удерживать своих солдат от каких-либо импровизаций. Знаю, что тем самым сковываю вам руки, это так! Но! Мне очень нужно, чтобы все мои указания были бы исполнены в буквальном смысле! Без каких-либо отступлений и исключений. Даже если вам навстречу выйдет командир дивизии русских – и его вы тоже не заметите. Понятно?

– Яволь, герр майор!

– Не тянитесь так, мы сейчас просто разговариваем. Настоятельно вас прошу – не приказываю, заметьте, чтобы вы должным образом проинструктировали всех своих солдат. Всех, Генрих!

– Будет исполнено, герр майор!

– Надеюсь на вас.

Выдержка из рапорта

...Предпринятыми повторными поисками, с привлечением сил комендантской роты и бойцов близко расположенных частей, тело капитана Лигонина было обнаружено только на следующий день. Причина смерти, по предварительным данным, наступила от потери крови, в результате переезда ног капитана немецким танком. Обе ноги раздроблены. По-видимому, сразу после ранения, Лигонин потерял сознание и был принят противником за убитого. Очнувшись, он наскоро перебинтовал раны и, по-видимому, предпринял попытку скрыться в кустах – обнаружен след, оставленный им при переползании с места ранения. Капитан смог переместиться на значительное (около ста метров) расстояние, и ввиду этого не был обнаружен при проведении первоначальных поисковых мероприятий. При осмотре личного оружия, следов его применения не имеется, боезапас не израсходован.

...Имевшиеся при Лигонине оперативные документы и личные записи в сохранности. Нижний правый угол карты обуглен, по-видимому, капитан пытался уничтожить документы. Но ввиду потери сознания, довести своё намерение до конца не успел...

Против ожидания, никакого существенного втыка от ру-

ководства не последовало, подполковник ограничился словесным втыком на месте боя. Оно и к лучшему, на ротно-го и так смотреть было тяжко. Связистам досталось – мама, не горюй! Там выбило больше половины личного состава. В том числе и хохотунью Иришку, к которой Горячев испытывал сильную привязанность. Представляю себе его состояние сейчас... не хотел бы я оказаться на его месте!

Когда, по возвращении в расположение части, я успел урвать чуток времени, чтобы пересечься с Ниночкой, даже она посочувствовала его горю. Как, однако, быстро разнятся слухи!

– Ты береги его... – осторожно трогает она меня рукой. – Он хороший, наши девчонки сейчас все ему сочувствуют. Ему, наверное, сейчас трудно очень.

От её волос исходит какой-то пряный запах, и это меня отвлекает. Не сразу даже врубаюсь в смысл сказанных слов.

– Да... Мы стараемся. А тут ещё и начштаба дивизии на него наехал...

– Что сделал? – удивляется девушка.

– Накричал. Разнос устроил, будто Горячев виноват в том, что немцы мост подорвали! Кто ж знал, что это их цель, думали, они в деревню попрут, её готовились защищать. Там, если хочешь знать, ребята вообще на верную смерть шли – ничего у них против танков не было, одни ручные гранаты. Это у нас пушка, да ПТР – а у них что?

– Так он бы подполковнику и объяснил!

– Объяснишь такому... станет он тебя слушать, как же! С горы – оно всё виднее! Начальство!

А руки мои никак успокоиться не хотят, поглаживают осторожно девичье плечо. Она чуть отстраняется.

– Странный ты... Со стороны посмотреть – так суший головорез! Недаром, тебя народ сторониться. Говорят, что ты временами вообще голову теряешь, такой жестокий да резкий. Даже своего можешь так стукнуть!

– Бывает... – нехотя соглашаюсь с ней. – Иной раз и сам берегов не вижу, прямо-таки накатывает что-то непонятное... Но, я же не всегда такой! И не со всеми!

Нина гладит меня по щеке.

– Я вижу... Сейчас-то ты совсем другой. Но ведь никто, кроме меня, этого не знает. И это плохо. Все думают – ты жестокий и черствый.

– Война... – не нахожу никакого иного объяснения.

– И здесь люди разными быть могут! – не соглашается она. – Не все же зачерствели!

– Не все. Но я в тылу немецком был. И видел там... словом, не могу я их теперь воспринимать, как людей.

– Всё равно! – упрямо качает головой девушка. – Нельзя же так! Война – она пройдёт. И как ты будешь на других людей смотреть – снова врагов искать примешься?

– Там же не будет немцев!

– И ты станешь другим?

А вот и не знаю... Стану ли? И вообще – не смотрю я на-

столько далеко. Конец войны... до него ещё дожить как-то нужно, а вот выйдет ли? Бои, насколько я ещё чего-то пытаюсь вспомнить, тут будут жестокие и кровавые. По сопатке нам навешают ещё очень и очень основательно. И шанс дожить до победы, откровенно говоря, у меня не слишком-то и велик. Да, знаю чуть-чуть побольше, кое-что могу... но против пули или снаряда это защита слабая. Вот против того, кто эту пулю наводит – это уже чуток иная песня будет.

Но сейчас я об этом думать не хочу – мне хорошо. Так бы рядом с Ниночкой и сидел. От неё каким-то душевным теплом веет, и мне на сердце легче становится.

Увы...

Долго быть со мною она тоже не может, распорядки у них строгие, особо не забалуешь.

На прощание она приподнимается на носках сапог и неумело чмокает меня в щеку.

– Всё! Мне уже бежать пора!

Топот ног – и медсестра скрывается за поворотом. А я направляюсь к себе.

Тихо у нас стало, взводу прилетело весьма чувствительно. Ротный распорядился усилить нас, переведя из первого взвода пулеметный расчет.

Ребята эти оказались опытными, да и знакомы мы уже не первый день – одна рота всё-таки...

Игорь Безруков, первый номер – худощавый парень с меч-

тательным выражением лица и порывистыми движениями. Глядя на него, с трудом верилось в то, что в бою он совершенно преображается. Становится жестким и неторопливым, тщательно выцеливающим противника стрелком.

Второй номер – Марат Казин, был откуда-то из Башкирии. Невысокий, верткий, но очень силен физически. Говорят, даже подковы ухитрялся разгибать! Правда, сам я этого ещё ни разу не видал.

Считая их, в моём взводе был теперь двадцать один человек. Вместе со мной. Неслабо нам прилетело в последнем бою.

Вроде бы обещано нам пополнение... да когда ещё оно будет!

Ожидаемый кирпич сверху, однако же, пока запаздывал. Начальство, надо полагать, было занято какими-то важными делами. А, может быть, причина была в том, что уничтожением моста, как выяснилось, немцы не ограничились. В тот самый момент, когда нас прижимали к земле своим огнем танки, противник, оказывается, ударил и в противоположную сторону, пытаясь свернуть нашу оборону. И навалил нам там куда как серьёзнее, нежели прилетело разведроту. Так что, подорванный фрицами мост – это была элементарная предосторожность. Немцы хотели обезопасить себя от удара во фланг – чего успешно и достигли. На фоне тех дров, что наломали фрицы у соседей, наш бой выглядел и вовсе

несерьёзно. А если ещё учесть и парочку захваченных танков – так и вовсе, чуть ли не достижением с нашей стороны. По уму, за такие вот трофеи, в иное время и медаль могла последовать... а то и ещё что-нибудь...

Не в этот раз, надо полагать.

Точку во всём поставил начштаба дивизии.

Как пояснил нам старший лейтенант, командование благоразумно решило его никак не наказывать (на фоне того, что творилось у соседей, мы выглядели не так уж и бледно), ограничившись устным внушением. Да и, к слову сказать, разведка – это вовсе не обычная пехота, нам воевать с танками непривычно. А тут – несколько штук подбито, а два – так и вовсе, захвачены! А один, вообще практически целый! Уже к вечеру своим ходом пошел. Успех! (Если бы не взорванный мост – так и вообще...)

Это и пояснил подполковник нашему ротному, вызвав его в штадив.

И добавил.

– По уму, так тебя бы, старший лейтенант, изрядно пропесочить надо было бы! Но – счастлив твой Бог, зачем-то вы все штабу фронта нужны. Зачем – про то не ведаю. Так что менять ротного в подобной ситуации – признано нецелесообразным. Радуйся! И старшине своему передай – в иное время его деяния были бы отмечены. Если б не этот чертов мост... Но – я запомню!

И то хлеб... хоть не взгрели.

А ротному трудно...

Сидит вечерами один-одинешинек в своей избушке. Только комвзвода-один, лейтенант Печельский, к нему иногда заходит, поддерживает, так сказать. И я бы заглянул... но он, всё-таки, офицер... неудобно. И так уже я ему свое сочувствие и соболезнования высказал ещё тогда – у моста, на что он только благодарно кивнул. Тяжко мужику...

А не дай Бог, вот так вот Нинке прилетело бы? Как бы я себя тогда вёл?

Нет уж... на фиг такие думки!

Времени на слаживание личного состава нам никто, однако, предоставлять не собирался.

День-два – и на пороге нарисовался новый гость.

Всё оттуда же – из разведотдела штаба фронта.

На этот раз визитер носил майорские погоны и был грузным, немолодым уже, мужиком. С прядью седых волос на правом виске – хлебнул дядя в своё время!

Сначала он засел со старшим лейтенантом аж на полдня. Потом, уже после обеда, ротный вызвал к себе всех взводных – в том числе, и меня.

Едва переступив порог командирской избы, я сразу понял – началось...

В воздухе прямо-таки повисло напряжение. Казалось, вся атмосфера помещения пропитана чем-то взрывоопасным. Вот только спичкой чиркни – и бабахнет!

– Присаживайтесь, товарищи! – кивнул приезжий майор на стулья около стола. – Все тут?

– Да, – кивнул Горячев. – Все командиры взводов, как вы и приказывали.

Взгляд майора останавливается на комвзвода-один. Тот поднимается.

– Командир первого взвода – лейтенант Малащенко!

Под прицелом голубых глаз оказывается его сосед.

– Командир второго взвода – лейтенант Печельский!

Моя очередь.

– Командир третьего взвода – старшина Красовский!

Майор вопросительно оглядывается на моего командира.

– Старшина опытный боец, имеет опыт длительного пребывания в немецком тылу. Умелый командир, – поясняет ротный.

– Понятно. Можете садиться. Кто из них был у нашего объекта?

– Я, товарищ майор, – снова приподнимаюсь со своего места.

– Угу... – оглядывает меня визитер своими льдисто-холодными глазами. – Значит, это были вы...

Взмахом руки он приказывает нам пододвинуться ближе к разложенной на столе карте. При беглом на неё взгляде, узнаю знакомые места – давешний капитан как раз этими самыми сараями и интересовался. Стало быть, предварительную разведку обстановки он сделал, и теперь прибывший

майор будет ставить нам задачу уже более конкретно. Понятное дело...

Пока тот объясняет взводным поставленную задачу, вглядываясь в карту. Кое-какие любопытные пометочки там уже появились, не зря, значит, там наверху ребята свой хлеб едят, выяснили кое-что. Вот и зенитки – их на данном объекте изрядно понапихано. Откуда у штабных эти данные, хотелось бы знать?

– Авиаразведкой установлено, – словно отвечая на мой невысказанный вопрос, произносит штабной, – что охрана объекта состоит из...

И так вижу – пулеметы на вышках (ну, это, положим, я и без него знал...), окопы, протянувшиеся вдоль линии забора внутри, метки пулеметных гнезд.

Отчего же – внутри?

А не один там забор.

В отступе от внешнего метров на сто, имеется и второй – из колючей проволоки. И вот перед ним и тянутся изломанные линии окопов. Не сплошных, только на важных точках, но и это – далеко, не сахар. Если же учесть, что и за колючкой виднеются отметки пулеметных гнезд...

А вообще, объект не такой уж и маленький! Это нам, сидящим за забором, он таким казался. В действительности же пресловутые сараи разбросаны двумя относительно компактными группами на приличном расстоянии. На карте указана обваловка вокруг отдельных строений. Точно –

артсклады! Только там такие меры предосторожности принимают. Во избежание, так сказать, неприятностей... А мы, как я понимаю, эти самые неприятности и должны там организовать.

– Командование поставило задачу организовать диверсию на этом объекте, – палец гостя скользит по карте. – Приоритетными целями будут...

Да, понятно, что нас не чаи гонять туда посылают. А склады и сами по себе ещё имеют ограждения из той же самой колючки, судя по обозначениям на карте. Тут взводом делать нечего вообще. Ладно, это мы маленькой группой могли подползти тихо и под внешним забором залечь, а вот как таким макаром роту протащить? Сомнительно это.

– Для отвлечения внимания охраны, – продолжает майор, – в согласованное время будет нанесен авиаудар по территории объекта.

А что бы вам это авиацией не накрыть? Уж, наверное, одна-две сотни, положенные в сарай, поднимут его на воздух с куда как большей гарантией, нежели мы своими зарядами.

– Удар будет отвлекающим – зенитное прикрытие складов организовано очень тщательно. В воздухе, практически постоянно, дежурят немецкие истребители. Только при попытке авиаразведки, мы потеряли два самолета-разведчика.

Да... послушать гостя, так эти сарайчики стали прямо-таки бельмом на глазу для командования. Два самолета! Не хухры-мухры... Среди бомберов потери будут больше. Те и

летят медленнее, да и с боевого курса не свернуть – там их и подловят. А учитывая разницу в стоимости и значимости одного самолета – и пусть даже и целой разведроты... Ход мыслей командования вполне объясним.

И не только мне – вон, Печельский тоже нахмурился. Понимает мужик, что нас не к теще на блины отправляют.

– Ударные группы будут сформированы в следующем составе...

Так, ещё и саперов нам придают? Уже лучше, чтобы гарантированно напакостить в таком месте, надобно иметь профессионалов-взрывников. Так что, саперы – очень даже гут! Хотя я и не слишком сильно люблю приданных, но, в данном случае – обеими руками за.

– Минометный взвод прикроет ваши группы...

Ого, ещё и минометчики?! Супер! Всегда бы так жил.

Однако же, что-то слишком много плюшек... а ведь по жизни так не бывает. Вот не верю я в то, что у командования вдруг проявился такой необычный приступ щедрости. Есть здесь какая-то зарытая собака, только где?

А если пораскинуть головами, так и вовсе непонятно, каким-таким образом мы всё это хозяйство должны доставить в немецкий тыл? Для начала – так хотя бы через линию фронта перетащить, да, к тому же – ещё и скрытно! Это как, позвольте поинтересоваться, образом? Ладно, мы – разведчики, так, между прочим, не маленькой группой топаем, а как бы и не целой ротой. Тоже, знаете ли, не самая прият-

ная прогулка получается...

Ну, положим, саперы проползут на брюхе – им не привыкать. А вот как тащить скрытно минометы? Да и запас мин? А потом всё это хозяйство назад выволакивать?

Осматриваю своих сослуживцев – народ озадаченно разглядывает карту. Что, ни у кого никаких вопросов нет? Вот уж не верю-то...

Вероятнее всего, никто не хочет начинать первым, ещё сочтут, чего доброго, паникером... Ну, мне, в данной ситуации терять меньше всех, так что – рискнем!

– Товарищ майор! Разрешите вопрос?

– Слушаю вас, старшина, – прервал свои пояснения штабной.

– А вот...

К чести гостя, он слушал меня весьма внимательно, не перебивал и каверзных подколов не делал. Что, по правде сказать, несколько меня обнадежило – не совсем это кабинетный деятель, судя по тому, как он умеет слушать собеседника.

– У вас всё?

– Да, товарищ майор, всё.

– Все с этим согласны? Или есть ещё какие-то сомнения? – обводит внимательным взглядом собравшихся офицеров штабной.

Сомнения были. И взводные тоже их высказали. В целом, поддержав мою точку зрения. Ну, нет у нас пока опыта про-

ведения столь масштабных операций, нет! Откель ему взяться-то? Более, чем взводом (да и то пару раз) во вражеском тылу не работали – просто не ставилось нам никогда таких задач.

Майор задумчиво постучал по столу карандашом. Вопросительно глянул на ротного.

– Ну, что ж, товарищ старший лейтенант.... Ваши подчиненные умеют анализировать обстановку – это похвально! Командование не ошиблось, выбрав именно вашу роту.

Так... вот это мне совсем уже не нравится.

– По пунктам! – загибает палец штабной. – Минометчики будут ждать вас на месте – их забросят самостоятельно, переправлять их через линию фронта во вражеский тыл не потребуется. Равно как и возвращать назад. Люди и снаряжение останутся в немецком тылу и далее. У них будет самостоятельная задача...

Забросят?

Десант, что ли?

А он вообще у нас тут есть? Нет, что-то такое я про них слышал, было... Но конкретного – ничего не знаю. Да и не только я, вон и наши взводные переглядываются. Ну, ладно, одной головной болью меньше.

– Саперы – они пойдут вместе с вами. Линию фронта предполагается переходить малыми группами и в разных местах. Так что опасения по поводу скрытности перехода – тоже считаю пока преждевременными.

Ну, да... это ж не тебе на брюхе ползать...

Выдержка из рапорта

...Следует отметить возросшую активность разведки противника в указанном квадрате. Исходя из требований директивы №... предприняты дополнительные меры по сокрытию позиции сил прикрытия объекта, при этом не дав противнику повода для подозрений.

С указанной целью, предприняты следующие меры маскировки.

1) Оборудованы ложные позиции зенитной артиллерии. На данных позициях временно размещены отдельные орудия ПВО, ведущие огонь по русским самолетам-разведчикам. Расчетам даны указания о поддержании максимально высокого темпа стрельбы, пусть даже и в ущерб точности. Противник должен быть уверен в том, что по нему ведут огонь несколько орудий.

2) Оборудованы преднамеренно демаскированные ложные огневые точки прикрытия объекта. В указанных местах поддерживается видимость активности.

3) В распоряжение 42 ремонтно-восстановительного батальона, под видом неисправных, доставлено 4 средних и 4 легких танка из состава отдельного охранного батальона. Экипажи танков размещены в казарме солдат ремонтно-восстановительного батальона и переодеты в общевойсковую фор-

му. В случае необходимости, танки смогут достичь района предполагаемого боестолкновения в течение пятнадцати минут.

4) На узловой станции, при попытке получения сведений об объекте, обнаружен агент разведки противника. Агент (женщина) взят под наблюдение. Предприняты меры по дезинформации агента.

5) В прилегающих к объекту лесных массивах организована сеть скрытых постов. Задача постов – своевременное информирование о любом передвижении в указанном районе. Посты частично (по условиям местности) телефонизированы. Также предусмотрена возможность быстрой передачи ими информации с помощью условных сигналов, согласно разработанной таблице.

Заместитель командира

22 охрannого батальона

Гауптман Карл Нимейер.

– Итак, майор, что вы можете мне рассказать хорошего? – Ляшке был сегодня в неплохом настроении, что выразилось в предложении гостю чашки хорошего кофе.

– Немало, герр оберст! Все меры маскировки, предпринятые нами, в соответствии с вашими указаниями, возымели свой эффект. Противник ничего не подозревает о том, что его интерес к складам нами замечен. Русские самолеты-разведчики несколько раз уже пробовали прощупать нашу оборону. Но были отогнаны зенитным огнем и подоспевшими

истребителями. Один самолет противника сбит.

– Это хорошо! – удовлетворённо кивнул хозяин кабинета. – Всё?

– Нет, герр оберст, – покачал головою Хайнеманн. – Активизировалась и их агентурная разведка в нашем тылу. Надо отдать должное, русские своевременно об этом позаботились. Нами уже выявлено три их агента и один человек находится под подозрением. Разумеется, мы предприняли все меры для того, чтобы получаемая ими информация соответствовала бы нашим целям.

– Неплохой подарок кое для кого! – поджал губы полковник. – Очень даже своевременно, хочу вам сказать! Мы можем утереть нос некоторым выскочкам и зазнайкам. Полагаю, мой друг, все прочие мероприятия также идут по плану?

– Совершенно верно, герр оберст! Есть, разумеется, некоторые сложности и шероховатости – но, в целом, все предусмотренные меры выполнены успешно.

– А именно? – приподнял бровь Ляшке.

– Ну, в частности, нам пришлось организовать выгрузку и транспортировку танков непосредственно вблизи объекта. В других местах, нежели на станции, это сделать технически невозможно – там высокие насыпи.

– А как же тогда в ремонтно-восстановительный батальон доставляют прочую технику?

– Грузовики и бронетранспортеры, герр оберст. Их просто буксируют своим ходом, при помощи тягачей. Танки же...

требуют немного другого подхода. Всё же это более массивная техника. По завершении операции они будут вывезены аналогичным образом.

— Ну что же, — благосклонно кивнул полковник. — Полагаю, вы вполне заслуживаете ещё и рюмочки хорошего коньяка!

Как-то я вот напророчествовал... себе на пятую точку. Когда предполагал, что скоро будем ползать на брюхе. Именно, что ползём. И именно — на брюхе. Да ещё и по уши в болотной грязи. Ибо дежурные пулеметчики на этом участке немецких позиций ворон не считают, что уже не раз и доказывали. Тем, кто по простоте душевной в этом сомневался. Ну и что, что болото? Ползать можно и по нему, сам не единожды убеждался. Да и фрицам надо отдать должное, они тоже далеко не лыком шиты, научились уже многому. В том числе — и у нас. Тому, что для русского солдата абсолютно непроходимых местностей нет. Хоть на брюхе проползёт, хоть на одной ножке проскачет — а, один хрен, пролезет туда, куда ему надобно. И если раньше немцы ещё могли позволять себе какие-то вольности и отступления от уставных требований, то теперь они от такого поведения отказались. Жить им, видите ли, охота... Можно подумать, что кому-то из нас это надоело!

Только вот, вся беда в том, что жить в таком поединке выпадает кому-то одному. Либо сонному пулеметчику не пове-

зёт, либо нерасторопному разведчику. Только так – и никак иначе.

И потому – ползём.

В час по чайной ложке, осторожно передвигая руки и ноги. А тут ещё и сидор тяжелый на плечи давит. Впрочем, не всем. По моей инициативе, скроили нам тыловики прочные брезентовые мешки. Не шибко здоровенные, но прочные и приспособленные для того, чтобы тащить их по земле волоком. За собою следом, чтобы сидор за плечами ползущего бойца не демаскировал. Лишний горб в десяток сантиметров толщиной – он незаметности передвижения не шибко способствует. Под это дело ухитрились пустить брезентовый полог с захваченной у немцев машины, вовремя заживив его от трофейщиков. Мол, мало ли что там, у немцев кому положено... а вот не было его тут – и всё! Может быть, немецкий водила, гибель свою неминуемую предчувствуя, сам его на шнапс и сменял! И нажрался с тоски... Могло ведь такое быть? Да, запросто! Так что, не парьте нам мозги, уважаемые товарищи, забирайте свой (теперь, уже свой) тарантас – и проваливайте восвояси!

Правда, бегать с таким мешком неудобно – да, ещё как!

А вот ползти – существенно спокойнее, хотя, тоже не слишком комфортно. Скорее даже – непривычно. Привязывают эту фиговину обычно к ноге, некоторые за пояс цепляют. Специально для этого соорудили небольшой железный крючок, чтобы, значит, за ремень его крепить. А к ноге –

обвязывают вокруг неё веревку. Таким, знаете ли, колечком небольшим, чтобы ниже колена не сползала. И вот уже за неё, родимую, и цепляем. В случае чего, крючок сбросил – и свободен. Сидор, он потруднее сбрасывается...

Да и влезает в этот мешочек малость поболее, чем в заплечник.

Потом, разумеется, этот груз своё привычное место займет – в сидоре. Но, это будет уже потом, когда нам ползти не надо будет. То есть – в немецком тылу, где мы уже ножками потопаем.

Ротный, когда эту мою придумку разглядел, только хмыкнул. Потом, посмотрев, как мы эти брезентухи по земле ползком таскаем, призадумался. Один мешок отобрал и отправил его в штаб, снабдив пояснительной запиской.

Но, увы, что уж там решили наши мудрые стратеги, узнать мы не успели – прикатил этот самый майор...

Впрочем, хрен с ним, с майором. Тут поважнее дела имеются.

Болото здесь не шибко и здоровенное, но и не слишком маленькое. А переползти его желательно побыстрее, дабы не застало нас на нём утреннее солнышко. Вот уж чего совершенно неохота! Оттого и спешим.

Но спешка, она, как правило, до добра не доводит.

Не стало исключением это и в данном случае.

Мы-то люди привычные, да и кое-чем (мешками теми же самыми) снабжённые, вот и ползём чуток полегче. А саперы,

хоть и не самые последние ползуны, двигаются существенно медленнее. Да и груз у них... тоже не слишком способствует скорости движения.

Вот кто-то и лоханулся...

Хлопнула ракетница и в воздухе повисла «люстра». Мертвенно-белый дрожащий свет выхватил из темноты изрядный кусок болота.

Тишина...

Замерли все, никто даже дыхнуть не пробует.

Но не устроило что-то ракетчика, опять над полем разгорается очередное химическое светило. Когда же ты, милоч, наконец, успокоишься?

Не успокаивается – вон, уже третья ракета пошла. Что-то он там видит...

Там, не здесь. В самом хвосте, где лежат сейчас саперы. Нас, надо полагать, пока не засекали, что и радует.

А значит, можем мы ползти. Медленно, осторожно – но, можем.

– Гомонюк! – окликаю я ближайшего бойца. – Двигаем! Дальше передай.

И снова хлупает под носом болотная жижа. Неудобно по этим лужам передвигаться, но мы тут шастаем уже не в первый раз, знаем, как и куда переползать. Не сразу нашли этот маршрут, но бережем его, как зеницу ока.

Вот и земля, в смысле – сухая, под локтями, вот и кусты долгожданные!

А над болотом снова висают ракеты – похоже, саперов отрезали...

И что теперь делать?

Мы прошли. Можем работать, нас теперь в лесу отыскать не шибко-то и легко. Оторвёмся, места более-менее знакомые.

Но как быть с основным заданием?

Саперов не пропустят, это уже понятно. Не стреляют пока немцы, не совсем, видать уверены в том, что видели кого-то. Лежат саперы, головы в траву запрятав, не двигаются. Вот и немцы чего-то ждут, огня не открывая. Но долго это не будет длиться. Рано или поздно – но, ударят пулеметы. Или минометчики подбросят туда свои «гостинцы», у них это место пристреляно. А может – и то и другое разом. Очень даже запросто, фрицы в таких ситуациях не мелочатся, лупят из всего, что есть.

Взойдёт солнце, немцы осмотрят болото. Найдут саперов, осмотрят их груз – взрывчатка! Много. Готовые заряды (сам видел, как их ребята вязали), детонирующий шнур, подрывные машинки – всё есть! Вывод?

Простой, как грабли – русские шли на крупную диверсию.

Не одни шли, кто-то их сопровождал. В том, что и наши следы найдут, я и не сомневаюсь – отыщут. И двинут уже и по ним тоже. Разумеется, мы можем в сторону свернуть, это запросто. Уведем погоню куда-нибудь в чащобу.

Итог?

Сорвём ли мы выполнение задания или нет – Бог весть... Но поднагадим ребятам качественно! Минус взвод, да минус саперы – не хило так выходит.

Да и дураков среди немцев немного, прикинут они, где такую диверсию надобно провести, чтобы туда ещё и саперов тащить. Не так уж и до фига здесь таких объектов. Прямо на склад они, может, и не подумают – но, охрану усилят и там. На всякий, так сказать, случай.

И будут правы!

И что теперь делать?

Думай, старшина, времени в обрез!

– Харченко, Самойлов – со мной! Никонов – за старшего!

Не вернусь – задание знаешь! Полтора часа ждешь, если нас нет, уводи взвод!

– Понял, старшой!

Ну вот, теперь и посмотрим – кто у нас тут самый хитрый?

Под ногами чуть слышно хрустнули ветки, и я резко сбавил темп, осторожнее нужно быть. Здесь, всё же немецкий тыл...

Забирая чуть вбок, я ориентировался на мертвящий отблеск осветительных ракет, которые регулярно продолжал подвешивать над болотом немец (у него там что, целый грузовик запасён?). Пулеметы пока молчат, стало быть, фрицы ещё не усмотрели для себя чего-то опасного. И это неплохо. Ибо, начнись стрельба, вытащить из-под огня саперов будет крайне затруднительно. А пока... пока оставался шанс. Не

слишком большой, но выбирать мне не приходилось.

Тропка!

То, что и искал...

Обернувшись назад, делаю знак своим сопровождающим.
С этого места – максимальная осторожность.

– Идти тихо! И позади меня метров на десять!

Тропка – это хорошо. По ней часто топают ноги, обутые в немецкие сапоги – этим путем пробираются на позиции пулеметчики. Сплошной линии обороны здесь нет, только отдельные опорные пункты, имеющие между собой огневую и визуальную связь. Оттого и ползаем именно в этих местах, есть шанс пройти незамеченными. Увы – не в данном случае.

Поворот... ещё один.

Чу!

Кто-то спешит навстречу, торопится.

А кто тут может спешить?

Немец, кто ж ещё...

Вот он совсем близко...

– Parole?

Вполне реальный вопрос. Солдат бежит в тыл, и тут его окликают. А кто может здесь такие вопросы задавать? Да свой же камрад, больше некому. Русский диверсант нападёт молча, стараясь сохранить элемент внезапности до последнего.

Вот и не удивился фриц, понятно ему всё.

– Hamburg!

Теперь – отзыв.

А вот тут, друг ты мой ситный, ожидает тебя обидный облом! Ибо, чего-чего, а отзыва я не знаю. И вопрос тебе задавал исключительно для того, чтобы выяснить хотя бы первую часть пароля.

Спасибо тебе, неведомый камрад, с этой задачей ты вполне справился. И более мне не нужен. В смысле – совсем.

Шаг вперед – и вылетает снизу окованный приклад «СВТ».

Хрясь!

Такой шутовщиной совершенно не обязательно именно по голове стучать. В грудь – оно тоже вполне ничего выходит. Во всяком случае, дышалку перебивает начисто, не то, что крикнуть – просипеть и то, не всегда получается. Так что не позовет фриц на помощь, попросту не сможет. Ну и я, разумеется, тоже тут рассусоливать не собираюсь... давая немцу шанс прийти в себя.

И дальше по тропочке топаем, отправив тело незадачливого солдата подальше в кусты. Утром найдут... может быть.

Хлоп!

А вот и ракетчик, рядышком совсем.

Шагов двадцать или около того.

Так, винтовку в сторону, стрелять мне категорически нельзя. Всех сразу на ноги подниму.

А вот подаренный кинжал – он очень даже к месту будет.

Обоюдоострый, можно им во все стороны работать, руку не слишком выворачивая.

Шаг... второй...

– Parole!

Не спит второй немец, бдит. Соблюдает, собака, уставную дисциплину.

– Hamburg!

Получи, родной.

– Magdeburg!

Вот, значит, как... был я в том Магдебурге. Ничего себе городишко, впечатляющий. Можно было бы устроить вечер воспоминаний.

Можно, но, не сейчас.

У нас тут нонеча другой вечер намечается. Не песни и пляски, а, скорее, акробатики...

– Ха!

И вылетает у меня из-за плеча тяжелый сидор. Надо же так случиться, что попадает он при этом аккурат в любопытную морду вопрошавшего фрица.

Добрых восемь кило – не комар чихнул!

Вот и немец тоже, не чихнул. Скорее поперхнулся вопросом, который хотел мне задать. Ничего, дорогой, помолчи. Молчание – оно золото, как умные люди говорят.

Прыжок!

Аж мускулы на ногах хрустнули!

А хорош кинжал! Вошел в спину ракетчику – как по мас-

лу. Немец только сдавленно хрюкнул и обмяк.

Разворот!

А вот за винтовку хвататься – команды не было!

Взмах – и хлынула кровь на приклад. А вы что думали? Разом несколько пальцев срубить – кровянки будет ого-го!

Раскрыл фриц рот, но вот крикнуть не успел – влетел ему туда, кроша зубы и обдирая кожу на суставах, мой кулак. Я ведь и левой рукой приголубить могу... не хуже многих!

Клинок кинжала уже не блестел, весь кровью вражеской покрытый. И оттого не усек фриц, как кинжал оказался в опасной близости от его горла. А может, и усек... только легче ему с того не стало.

А где третий?

Тот, кому мой сидор в рыло прилетел?

Хрен его, фрица этого, знает... сбежит ещё с моим добром, с него, пожалуй, что и станется.

Нет, не сбежал! Вот он, голуба, на земле ворочается, всё же не пуховой подушкой-то его приложили.

Вот и славно, тебя мы резать не будем, и живой вполне пригодишься. Вздергиваю немца на ноги и разок добавляю по многострадальной морде. Обмяк, болезный, к транспортировке готов.

Условный свист – и в окоп вваливаются мои сопровождающие.

– В темпе! Этого гаврика спеленать – и к нашим! Пусть думают, что мы за языком приходили. Саперов по дороге под-

гоните, хватит им там спать! А я тут пока за фейерверк поработаю, ракет немец оставил ещё много. Пусть не переживают – в другую сторону шарашить стану. Каждые тридцать секунд по ракете буду давать, считайте, чтобы вас не подсветить! С десятков брошу – и хорош! Никонову пусть скажут – догоню, пущай саперов подхватит и топает быстрее.

Вот так!

Ребята особо не рассусоливали, спеленали немца (унтер оказался, точно прокатит идея с языком), да, прямо через бруствер его и перевалили. И правильно, второй пулемет у фрицев левее стоит, метров сто отсюда, не засекут парней.

Первую ракету я запустил в сторону от места предполагаемого залегания саперов, не дураки ведь там подобрались, должны сообразить, что уже уползать оттуда можно, успокоился пулеметчик.

Вторая пошла... третья... тихо. Нет выстрелов, ничего не заподозрили немцы.

Ф-ф-ф-у-у-у... аж, вспотел.

Сейчас бы водки глотнуть. Не любитель я этого дела но, в такой обстановке даже трезвенники завзятые – и те выпьют.

– Итак, товарищ старший лейтенант, что у вас такого срочно произошло? – майор Федоткин ополоснул лицо водой, прогоняя сон.

– На наши позиции вышли два бойца из взвода старшины

Красовского.

— Так... — майор присел на табуретку и застегнул воротник гимнастерки. — Вышли. Двое бойцов. Понятно. И что же эти бойцы?

— При пересечении нейтральной полосы, приданные разведrote саперы, были обнаружены противником. Подсвечены ракетами и залегли. Дальнейшее их продвижение было невозможным, там все простреливается насквозь из пулеметов.

— Умеее вы обрадовать... — покачал головою штабной гость. — Но, я так понимаю, что это ещё не все новости?

— Вы правы, товарищ майор, не все. Старшина Красовский принял решение отвлечь немцев и, совместно с этими бойцами организовал нападение на пулеметный расчет противника. Собственноручно уничтожил троих немецких солдат, а унтер-офицера взял живым. Перешедшие линию фронта бойцы привели его с собой. Только он квелый какой-то, видать, сильно досталось при задержании.

— Совсем весело... Да фрицы же сейчас только, что на уши не встанут!

— Старшина, таким образом, смог предотвратить обстрел залегших саперов! Ведь именно эти самые немцы и пускали ракеты. А так, со слов Красовского, у немцев будет понятное объяснение — пулеметчики что-то заметили на нейтралке. И это была та самая группа разведчиков, которая их потом и атаковала. Вполне ведь разведчики могли имитировать ка-

кую-то активность для отвлечения внимания, ведь так?

– Ну... – поджал губы майор. – Может быть, может быть...

– Зато, товарищ майор, – торопливо продолжил ротный, – саперы прошли беспрепятственно! А у немцев теперь есть логическое объяснение всему произошедшему!

– Хрен его знает, что теперь там, у немцев, есть... – пробурчал Федоткин. – Стрельбы там не было?

– Пока тихо.

– Хм! Пока... Ладно, старший лейтенант, садись, покумеваем. Распорядись, пусть нам чаю организуют, сон, как я понимаю, коту под хвост пошел.

Когда ротный вернулся в избу, штабной уже сидел у стола, просматривая какие-то бумаги. Не прерывая своего занятия, он только головою повел, указывая гостю на табурет.

– Вот, что, старшой... Я тут, на досуге, полистал личное дело твоего старшины. Ты-то сам, как его оцениваешь?

– Хороший боец, злой. Умелый командир. Своему месту вполне соответствует.

– Ну, ещё бы он не соответствовал! Старшина этот, как я погляжу, и в тылу немецком наколобродил – будь здоров! Да и последний ваш бой... По совокупности – уже и младшего лейтенанта давать можно, должность соответствует. Да и не только...

– Но, ведь мост-то сожгли...

– Так и не Красовский же его оборонял! На своём месте он все правильно организовать сумел. Вот, только, как я

посмотрю, у него привычка всё самому делать, в одиночку. Как-то это странно выглядит, не находишь?

– Старшина просто очень быстрый, не каждый боец за ним поспевает.

– Так надо ему таких же быстрых найти.

– Где, товарищ майор? У меня таких больше нет, Красовский один только и есть.

– Да? Ладно, этим я сам займусь... Разумеется, когда они все назад притопают. Тогда можно будет и насчет очередного звания подумать, если всё, как надо, ребята твои там со-творяют.

Стукнула дверь, и на пороге появился боец-посыльный.

– Разрешите войти?

– Что у вас? – повернулся к вошедшему майор.

– Товарищ майор, разрешите обратиться к товарищу старшему лейтенанту?

– Обращайтесь.

– Что случилось, Городня? – спросил посыльного Горячев.

– Унтер немецкий оклемался, его сейчас Пинчук допрашивает.

– Ну-ну! И что хорошего рассказал тот унтер?

– Немцы ожидали прорыва разведгруппы. Им было приказано не открывать огня, чтобы русские не возвратились. Немедленно сообщить о появлении противника и дать точные коор... – запнулся посыльный, – координаты места про-

рыва.

– Координаты, – машинально поправил его ротный. – Это всё? Немец не сказал, успели ли они сообщить об этом?

– Сказал, что направил связного в тыл. Непосредственно перед тем, как на них напали. Телефонной связи у них не было.

– Ну, если верить бойцам, что унтера привели, то связного Красовский пристукнул по дороге.... – пробормотал Горячев. – Всё, Городня?

– Пока всё, товарищ старший лейтенант. Как что-то новое будет, Пинчук тотчас же доложит.

– Свободны! – махнул рукою майор.

Когда за посыльным закрылась дверь, оба офицера уставились друг на друга. В избе воцарилось молчание...

Всё-таки зеленая жаба – воистину страшный зверь!

Вот кто бы мне пояснил, за каким-таким хреном надо было мне ещё и пулемет с собою волочь? Нет, понятное дело, что из окопа его утащить было необходимо – это сильно работало на версию о зловерных русских разведчиках. Мол, не только унтера сволокли, но ещё и пулемет заодно прихватили. Понятно и объяснимо. Ну, так и надо было бы его где-нибудь в лесу выкинуть. Потом, отойдя километров на парочку.

Так, нет же!

Как деревенский куркуль, тащу его на горбу – жалко! (за

него деньги плачены...) Ага, и ещё три ленты, совсем сдурел...

Может, и впрямь его куда-нибудь тут присунуть? Ведь не догоню же своих!

Нет, решено, оставляем эту железяку.

Вот, кстати, место приметное (зачем?!), чтобы его заныкать... (назад тащить собрался?).

Тут когда-то шли бои.

Кто и кому здесь тогда навтыкал, сказать сложно. Но, исходя из того, что данное местечко находится ныне в немецком тылу, можно предположить, что в итоге нагрели-таки нас. Полузасыпанные взрывами окопы, перепаханные снарядами огневые ПТО – резались тут свирепо. На траве то и дело натыкаюсь на пожелтевшие остатки бинтов, россыпи гильз – обычные следы жаркого боя. А вот и пулеметное гнездо. Оно прямо-таки засыпано гильзами, видать «максим» оторвался на всю катушку. Аж по щиколотку – ей-бо, не вру! Самого пулемета, разумеется, нет – унесли. А вот одна из коробок – осталась, та, что с банкой воды (ныне пустой) и маслом. Оно, кстати, в наличии, не забрали. Подобрал в окопе плащ-палатку, кладу на неё трофей, вытаскиваю из сидора ленты и заворачиваю всё это в брезент. Поливаю сверху маслом из максимовского ЗИПа. И, уложив добро на дно окопа, попросту засыпаю это всё гильзами – их тут для этого вполне достаточно.

Вот и славно. Место приметное – назад топать будем, за-

берём.

Почти пятнадцать кило долой – эх, я и припущу!

Ну, не бегом, разумеется, здесь всё же не стадион, но скорости поприбавлю ощутимо.

Так оно и оказалось, до места предполагаемой дневки я дотопал достаточно быстро. Только вот никого там не нашёл...

В принципе, не так уж и страшно, то, что комвзвода-один уведёт отсюда народ, было вполне предсказуемо. Он мужик грамотный и предположить то, что я могу и не дойти благополучно, просто-таки был обязан. На мой взвод, надо полагать, Никонова поставили. А что? Он боец опытный, замкомвзвода. Потянет...

Присядем и пораскинем головой.

Что дальше делать?

Месторасположение объекта я знаю, прикинуть, кто и откуда ударит, тоже могу. Как-никак, сам этот план и помогал разрабатывать. Время атаки, в принципе, менять не станут. Быстрее просто не получится, а откладывать небезопасно. Почти сотня вооруженных бойцов незаметно в лесу долго не просидит, тем паче, под боком у этих «сарайчиков». Там, небось, патрули исправно по лесу чешут.

Не будет Малашенко рисковать, меня поджидаячи. И правильно, между нами говоря, сделает. Семеро одного не ждут.

Чай не маршал пропал – комвзвода, этого и заменить можно.

И как всё это отразится на мне? Да, никак. Куда шёл, туда и дальше пойду, чай, не в первый раз-то... Оружие есть, харч и боеприпасы имеются, жив-здоров. Чего ещё надо-то? Иди и не хнычь!

– Надо отменять операцию!

– Сдурел, старлей? – Федоткин повертел пальцем у виска. – Кто тебе такое позволит?!

– Ну... вы же можете доложить...

– Что?! Что я должен доложить туда? – ткнул пальцем вверх майор. – Мол, долбанутый по башке унтер рассказал нам... Тебя по башке стукнуть – так, поди, и запоешь!

– Но, они же ждали наших разведчиков... – слабо возразил ротный.

– Которые должны пройти по их тылам полсотни верст и там чего-то рвануть... Так унтер сказал?

– Нет...

– С чего же такая паника, товарищ Горячев? Не уверены в своих бойцах?

– Уверен. Но...

– Все «но» – надо было озвучивать до получения приказа. Тогда это имело смысл, не спорю. А сейчас? – недобро прищурился штабной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.